

ОН КОПИРУЕТ САМЫХ ЖУТКИХ
УБИЙЦ МИРА.
НО СКОРО ПРЕВЗОЙДЕТ
ИХ ВСЕХ...

18+

ЧЕЛОВЕК ЭХО

СЭМ ХОЛЛАНД

Супер черный триллер

Сэм Холланд

Человек-Эхо

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Холланд С.

Человек-эхо / С. Холланд — «Эксмо», 2022 — (Супер черный триллер)

ISBN 978-5-04-168102-9

Он копирует самых жутких убийц мира. Но скоро превзойдет их всех... Для любителей киносериала «Охотник за разумом» и книжной серии «Внутри убийцы». История, основанная на нагнетавших делах знаменитых серийных убийц. Очень мрачная история... По Англии прокатывается волна убийств. Каждое из них различается по методам, но все они настолько жестоки, что у полицейских буквально кровь стынет в жилах. Вскоре детективы обнаруживают жуткую закономерность: этот маньяк детально копирует самых известных серийных убийц в мире. Одну за другой он штампует имитации кровавых злодеяний Мэнсона, Сатклиффа, Кемпера, Дамера, Банди... Но это только начало. Убийца, которого уже окрестили Человеком-эхо, готовится создать свой собственный шедевр — гораздо более ужасающий, чем все, что было раньше... «Этот роман вызывает тот самый классический страх с привкусом крови во рту; он — своего рода зверь, хитрый, мускулистый и опасный; новый смертоносный хищник в заманчиво олдскульной шкуре».

— А. Дж. Финн «Я буквально проглотила эту книгу. Такая мрачная... автор явно знает толк в серийных убийцах. Не для слабонервных — но гениально».

— Кэтрин Купер «Очень графично — и жутко. Настоящая кровавая баня!»

— Виктория Селман «Меня просто вынесло. Абсолютно классная вещь!» — Джеймс Деларджи

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-168102-9

© Холланд С., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	7
Часть I	8
День первый	8
Глава 1	8
Глава 2	13
День второй	15
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	38
Глава 11	40
День третий	42
Глава 12	42
Глава 13	45
Глава 14	49
Глава 15	52
Глава 16	52
Глава 17	56
Глава 18	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сэм Холланд Человек-эхо

Посвящается Эду

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя¹.

Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла», 1886

Sam Holland
THE ECHO MAN

Copyright © Sam Holland 2022. This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

¹ Цитата приводится в переводе Н. Полилова. – Здесь и далее прим. пер.

Пролог

Под ногами хрустят опавшие листья. Вокруг него смыкается беспросветная тьма – он существует лишь в узком тоннеле света автомобильных фар. Вдыхает полной грудью. Лес пахнет прелой листвой, сырой землей, чистым студеным воздухом. Пока что все проходит отлично, как он это себе и представлял. Все складывается просто идеально.

Он держит на руках женщину, подхватив ее под колени и за шею. Ее тело все еще свежее, из ножевых ран по-прежнему струится кровь, стекая по его белым пластиковым штанам. Мягкая женская плоть приятно греет озябшие руки.

Секунду он восхищенно смотрит на нее, после чего сгружает в багажник. Она с глухим стуком падает на второе тело, ноги ее свисают через бампер. Он заталкивает их внутрь.

Все получится как надо.

Несколько секунд он смотрит на обеих, а потом склоняется над багажником и отстегивает наручники. Даже в темноте ему хорошо видны тусклые красно-черные отметины у них на запястьях, оставшиеся с той поры, когда их тела еще были способны реагировать на внешние воздействия. Он доволен: это покажет всем, что он сделал.

Опять обходит машину, открывает переднюю пассажирскую дверцу. Подбирает два инструмента, оставленные на коврике перед креслом, вытаскивает один из них из чехла. Клинок из нержавеющей стали ярко отблескивает в полутьме – чистенький, недавно заточенный. Это его любимый – для подобных случаев самое то. Лезвие здесь поменьше, для более тонкой работы, чем у того ножа, которым он обычно убивает.

Он возвращается с обоими инструментами обратно к телам. Останавливается. Смотрит на девушек. До сих пор ему никогда не приходилось проделывать это на открытом пространстве, в темноте. Он не любит спешки. Но ничего не поделаешь.

Нашупывает в темноте руку, наполовину вытягивает одно из тел из багажника. Зажимает его между ногами, вздергивает ему голову, ухватив за волосы. Кровь все еще течет, но он знает, что делает, – это ему ничуть не мешает.

Меняет позу тела, развернув его так, чтобы подобраться к нему с другой стороны. Потом откладывает маленький нож и берет другой инструмент. Тот побольше, поувесистей и ободряюще оттягивает руку. Он делает то, что нужно сделать, и вот, после заключительного проворота и рывка, все готово.

Выпрямившись, он меняет тела местами и проделывает то же самое со второй девушкой. На сей раз управляется быстрее, более технично – все-таки немного натренировался, – после чего отступает от машины и критически оценивает картину в багажнике.

Увы, не идеально. Вздыхает, сокрушаясь, что на сей раз не может окончательно обставить сцену должным образом – порядок явно нарушен по всем статьям, – но он хочет, чтобы их нашли хотя бы в таком виде.

Захлопывает багажник. Ударом каблука разбивает вдребезги задний габаритный фонарь – осколки красного пластика сыплются на землю. Идет ко второй машине, выдергивает из салона брошенную на сиденья полиэтиленовую накидку, заталкивает ее в мешок, чтобы позже сжечь. Забирается за руль и берется за ключ зажигания. Только бы эта старая рухлядь без проблем завелась! Когда мотор с чиханием оживает и он отъезжает, то оборачивается на оставленный автомобиль. Со стороны и не догадаешься, что там внутри.

Никто и понятия не имеет, какие ужасы еще только впереди.

Часть I

День первый Понедельник

Глава 1

«До чего же меня все задолбало...»

Эта мысль вдруг бесцеремонно проскакивает в голове, отвлекая от происходящего. Она поднимает взгляд на зеркало над раковиной умывальника. На лице у нее не похоть или даже просто желание – лишь скука. Чистая, ничем не разбавленная скука.

Она склоняется над кранами с горячей и холодной водой: прямо перед ней диспенсер с жидким мылом, слева – электрическая сушилка для рук. В зеркале ей видно мужчину у нее за спиной. Тот довольно бесхитростно, без всяких затей трахает ее в общественном туалете районного культурного центра, всего через каких-то пятнадцать минут после того, как они оба забросили своих детей в школу.

Ее трусики спущены до лодыжек, юбка задрана до талии. Он засунул ей руку под лифчик, мнет грудь, словно сырое тесто, а другой вцепился ей в бедро, долбя ее сзади.

Итан? И'ван? Да без разницы, думает она. Помнится только, что его сына зовут Хейден. Он сказал, что тот учится в одном классе с Элис, неопределенно ткнув рукой в сторону детишек, беспорядочной гурьбой вбегающих в школу под треск звонка.

Этот мужчина держался в стороне от толпы юных аппетитных мамаш в тесных спортивных костюмах и нетерпеливо переминающихся с ноги на ногу бизнес-леди, явно спешащих поскорей двинуть в свои офисы. Короткие каштановые волосы, малость худоват, на ее вкус, но так вполне себе ничего. Без обручального кольца. Это был единственный знак, который ей требовался, чтобы принять решение. Ее собственное колечко – платиновое, пускающее сейчас яркие лучики в резком свете люминесцентных трубок над головой – его, как видно, ничуть не смутило.

Она неловко приседает, когда мужчина судорожно содрогается, испустив сдавленный стон, и наваливается ей на спину. Вывернувшись из-под него, выпрямляется и одергивает юбку, пытаясь сохранить хоть какое-то подобие приличия.

Он уже повернулся к ней спиной, приводит себя в порядок возле раковины. Бросает скомканный обрывок туалетной бумаги и презерватив в унитаз, спускает воду. Застегивает ремень, после чего открывает дверь и нервно выглядывает в коридор.

– Э-э, Джессика, верно? Ты не хочешь... – начинает он.

– Просто уходи, – перебивает его она. Мужчина тянется к ней губами, чтобы поцеловать, но она резко отстраняется.

– Спасибо, – неловко бормочет он, закрывая дверь.

Она запирает ее за ним, садится на крышку унитаза. Недоверчиво качая головой, натягивает обратно колготки.

«До чего же меня все задолбало...» – мелькает в голове все та же мысль.

* * *

Добравшись до дому, Джесс принимает душ, смывая все следы Итана-Ивана. Наливает себе чашку кофе и выносит ее в сад.

Дождь перестал, и студеной зимний воздух покусывает кожу даже через одежду. Она садится на краешек одной из бетонных ступенек крыльца, лишь в джемпере и джинсах, босиком, со все еще сырыми после душа волосами. Джесс понимает, что не стоит тут засиживаться, но ей нравится, как холодный воздух освежает тело.

Сад у них большой и бестолковый. Трава вымахала чуть ли не по колено, из щелей между плитками дорожки всюду пробиваются сорняки, кусты – не более чем разномастные пучки голых веток. Ее муж время от времени отпускает замечания по поводу «всего этого бардака», но она всегда говорит ему, что так ей больше по душе – когда природа идет своей собственной дорогой, не обращая внимания на закон и порядок.

Допив кофе, Джесс опускает взгляд на свои ноги. Кожа побелела, ногти уже попросту синие. Она начинает поеживаться. Самое время вернуться в дом, и она задумывается над тем, чем бы заняться до того, как надо будет ехать забирать Элис из школы.

Некогда Джесс работала, но с постоянными школьными разъездами это был натуральный кошмар. По работе она ничуть не скучает – это была такая же тоска, как и сейчас, – но хоть на что-то можно было отвлечься. Теперь же сосредоточиться абсолютно не на чем. Абсолютно ничем себя занять.

* * *

У школы она нервно оглядывает толпу, но, к счастью, Итана-Ивана нигде не видеть. Джесс держится на самом краю детской площадки, не обращая внимания на болтовню других мамаш, – она терпеть не может изрекаемые ими банальности. Дверь открывается, и из-за нее один за другим начинают появляться дети, подталкиваемые учительницей к своим мамам.

А вот, наконец, и Элис. Тряся выбившимися из-под гребня кудряшками, мчится к Джесс с широченной улыбкой на своей симпатичной мордашке, школьный ранец все еще кажется слишком массивным по сравнению с ее хрупким тельцем. Джесс заключает ее в объятия, а потом поспешно подталкивает к машине, вполуха слушая ее болтовню о случившемся за день.

За рулем она то и дело поглядывает на дочь в зеркале заднего вида. Просто удивительно, как ей удалось породить такое чудесное, уверенное в себе существо – общительное, раскованное, грациозное, полное энергии. Единственное, что по-настоящему удалось ей в жизни, уныло думает она. Элис без умолку рассказывает про какую-то Джорджию, про Изабель, про Неда... Про каких-то безликих детей, которых Джесс никогда не видела.

– Ну а что Хейден? – бросает она дочери через плечо.

Элис мотает головой.

– Не знаю такого, – отзывается она, и Джесс чувствует облегчение. Меньше всего ей надо, чтобы дочь подружилась с этим мальцом, а то и пригласила его к ним домой.

Вот наконец они и дома. Элис сразу кидается к своим игрушкам, а Джесс принимается за приготовление ужина. Сегодня вечером она готовит говядину в красном вине – тщательно шинкует овощи, обжаривает мясо... Слышит, как в дом входит муж и как Элис мчится поздороваться с ним. Едва ли поднимает взгляд от готовки, пока не чувствует, как Патрик прижимается к ней сзади и, целуя в шею, бормочет ей в волосы:

– Вкусно пахнет...

– Я или ужин? – спрашивает она, и он смеется.

Обернувшись, Джесс смотрит, как муж выходит из кухни, на ходу снимая пиджак и стаскивая с шеи галстук. Беспристрастно оглядывает его.

Патрик никогда не отличался стройностью, но в последнее время совсем уж раздался. Воротничок рубашки едва сходится на шее, живот нависает над брючным ремнем.

Джесс вновь поворачивается к плите. Она несправедлива и знает это. Он любящий, отзывчивый, трудолюбивый... Полный набор определений идеального супруга. Следовало бы пользоваться этим на всю катушку, думает она, наливая себе бокал красного вина и отправляя остаток в бутылке на сковородку. Это *с ним* надо бы трахаться в общественных туалетах, а не неизвестно с кем. Может, тогда он не столь стремился бы получать это на стороне...

Джесс отходит от плиты, чтобы приложиться к бокалу, но рука мокрая после возни с мясом и овощами, и тот, выскользнув, разбивается вдребезги об пол.

– Мапочка? – слышит она крик Элис из гостиной.

– Все нормально, просто кое-что уронила. Не входи сюда.

Джесс опускает взгляд и, насупившись, смотрит на острые осколки стекла на плитках, вокруг которых медленно расплывается красная лужа. Один осколок кривится на нее с пола, острый кончик его нацелен в потолок. По-прежнему босиком – с их дорожным подогреваемым полом ни обувь, ни носки не нужны, – Джесс поднимает правую ногу и заносит ее прямо над осколком. Медленно переносит на нее свой вес. Слышит треск, когда осколок ломается, а потом тоже скорее слышит, чем чувствует, как лопается кожа и стекло вонзается в мягкие ткани.

Хорошо!

Смотрит, как из-под ноги медленно выползает небольшая ярко-красная струйка крови, смешиваясь с более бледной и жидкой лужицей красного вина.

– Джесс! Да что ты, блин, творишь?!

Она чувствует, как руки Патрика обхватывают ее за плечи. Он оттаскивает ее от усыпанной осколками розовой лужи на полу, силой усаживает на стул. Джесс с размаху опускается на него. Патрик смотрит на нее, уперев руки в бока.

– Могла бы сообразить, – говорит он, наклоняясь и осматривая рану. – Блин, – бормочет почти про себя, прищурившись и пытаясь вытащить осколок из передней части ее ступни. – Придется зашивать.

– Я с этим сама разберусь, – говорит она. – Попрошу Нава приехать.

Патрик встает и смотрит на нее. Явно собирается выпалить что-то резкое, но прикусывает язык.

– Мясо я сам доделаю, – только и говорит он.

Джесс поворачивает ступню к себе, чтобы тоже посмотреть. Края пореза ровные и чистые, но сильно разошлись, из образовавшегося «рта» безостановочно сочится кровь. Патрик передает ей рулон бумажных полотенец, и она, кое-как обмотав ногу бумагой, хромотает в ванную. Запирает за собой дверь и садится на закрытую крышку унитаза. Достает из шкафчика аптечку и открывает ее, пристраивает на краю ванны. Это не просто обычный домашний набор первой помощи: здесь целый набор разнообразных бинтов, марли, пластырей – все, что может понадобиться в подобной ситуации.

Джесс опять осматривает подошву ступни, после чего принимается за дело – стягивает края пореза вместе, промокает кожу вокруг раны и, как может, залепляет ее бактерицидными пластырями. Но кровь все равно просачивается наружу. Патрик прав – надо зашивать. Она достает телефон и отправляет эсэмэску. Сразу же приходит ответ.

«Я на работе, Джесс, в ночную смену. Обратись в обычную травму, как все нормальные люди».

«А я не нормальный человек, Нав, сам знаешь, – отвечает она. – Ладно, не к спеху. Когда можешь появиться самое раннее?»

На экране появляются три плавающие точки – он набирает ответ. Потом пауза. Джесс знает, что уже злоупотребляет их дружбой, но мысль об очередном травмпункте при каком-нибудь «центре доверия» ей совершенно невыносима. Все те же вопросы, вновь и вновь. Все те же взгляды, те же подозрения...

Телефон коротко звякает.

«Ладно. Завтра с утра. Я заканчиваю в больнице в 8».

И тут же продолжение: «Я не могу постоянно этим заниматься».

Вздохнув, она откладывает мобильник, заматывает ногу бинтом, как получается. Надевает носки – нужно скрыть рану от дочери.

Когда Джесс возвращается в кухню, Патрик с Элис уже сидят за столом. Патрик начинает подавать ужин. Уже не впервые она теряется в догадках, что это вдруг на нее нашло.

* * *

За ужином Элис рассказывает им, как прошел день в школе. Слова налезают друг на друга, рассказ выходит довольно бестолковый и бессвязный, но они внимательно слушают – терпеливые родители пятилетнего ребенка. Пока Элис тарахтит без остановки, Патрик задает ей вопросы в нужных местах – дочь, похоже, не замечает, что между ее родителями в очередной раз пробежала кошка.

Джесс наполняет ей ванну, потом укладывает спать. Читает ей сказку. Семейная идиллия. Элис умывается под своим одеялом, и Джесс целует и обнимает ее. От малышки пахнет шампунем, теплом и невинностью, и она чувствует, как грудь ее переполняет любовь. Благодарит судьбу – неизвестно, в который уже раз, – что ребенок у нее абсолютно нормальный.

После нее к Элис заходит Патрик, желает дочери спокойной ночи, выключает свет. Джесс ждет в коридоре, но, закрыв дверь, он проходит мимо нее, не сказав ни слова, и спускается вниз. Она следует за ним в кухню и останавливается в дверях, когда муж достает пиво из холодильника.

– Прости, Патрик, – говорит Джесс.

Он медленно кивает, не глядя на нее. Открыв бутылку, подносит ее к губам, надолго прикипает к ней.

– Завтра с утра я еду в Лондон, – произносит вместо ответа. – Выезжать надо рано. лягу в гостевой комнате, чтобы не будить тебя. – И добавляет после паузы: – Я договорился о встрече с доктором Кроуфорд.

А потом без единого слова поворачивается и выходит в гостиную. Ей невыносима мысль об очередном тоскливом часе с доктором Кроуфорд – женщиной, которой на ее проблемы совершенно наплевать и которая ничего не понимает. Она вечно задает Джесс вопросы, на которые у той нет ответа. «Что заставляет вас наносить себе увечья? Чем, по-вашему, может кончиться подобное саморазрушение?» Джесс чудится скрытая угроза в этом вроде бы совершенно невинном вопросе.

Она слышит, как включается телевизор, из которого доносятся звуки футбольного матча. Патрик знает, что она терпеть не может футбол. Этим он сейчас говорит ей: «Держись от меня подальше. Я не хочу сейчас находиться рядом с тобой».

Джесс его в этом не винит. Она и сама не хочет находиться сейчас рядом с собой.

* * *

Укладывается в постель. Смотрит телевизор в их общей спальне – какой-то очередной документальный сериал про реальные преступления, – но всякие страсти на экране не настолько отвлекают ее от собственной жизни, как она надеялась. Через какое-то время Джесс

слышит, как Патрик чистит зубы, а потом закрывает дверь гостевой спальни. Она никак не может решить, надо ли пойти туда и пожелать ему доброй ночи, еще раз извиниться, а потом понимает, что не стоит. Да и что ему сказать? «Прости, и я постараюсь больше такого не делать»? Совершенно никчемные слова, особенно когда она знает, что все это совсем не так.

Джесс выключает телевизор, погрузив комнату во тьму.

Лежит, уставившись в черноту перед глазами и медленно считая про себя в такт вдохам и выдохам. В комнате дочери ни звука, Патрик в гостевой спальне тоже затих. Она медленно проваливается в сон.

* * *

Как только ночь вступает в свои права, чья-то рука приподнимает крышку щели для писем на входной двери². В прихожую льется некая жидкость, растекается по плиткам пола, пропитывает коврик у порога. А потом за ней следует кое-что еще – зажженная спичка.

Падает на пол, и в ту же секунду с фыркающим хлопком над полом взлетают языки пламени.

«Хэмпшир кроникл», 15 июля 1994 г.

УБИЙЦА ЖИВОТНЫХ ПО-ПРЕЖНЕМУ НА СВОБОДЕ – ЖЕСТОКО ЗАРЕЗАНЫ УЖЕ 12 КОТОВ И КОШЕК

Садист, убивающий домашних животных и предположительно лишивший жизни уже восемь котов и кошек, окончательно распоясался, изувечив при помощи ножа еще четырех на протяжении последних двух месяцев. По данным КОПЖОЖ³, целью преступника могли оказаться и другие домашние питомцы, учитывая тот факт, что в тот же временной период было заявлено о пропаже двух собак и четырех кроликов.

Мишель Смит, мать двоих детей, сообщила редакции, что ее отпрыски были «глубоко травмированы», когда, вернувшись домой в пятницу, обнаружили на крыльце дома своего любимого кота Стимпи, мертвого и с выпущенными наружу внутренностями. Нашим анонимным источникам в полиции известны и другие случаи, когда домашних животных находили освежеванными и выпотрошенными, причем не исключено, что и живьем, хотя данные факты еще требуют подтверждения.

КОПЖОЖ и Хэмпширское управление полиции, которые объединили усилия, чтобы поймать убийцу, просят всех граждан, заметивших подозрительные действия такого рода, срочно позвонить по телефону 101⁴.

Всем владельцам домашних животных настоятельно рекомендуется не выпускать своих питомцев из дома, пока преступник не будет задержан.

² Хотя англичане упорно называют это «почтовым ящиком», как такового ящика для писем в большинстве британских домов и квартир нет – только щель в двери, нередко даже не прикрытая откидной заслонкой, и почта падает прямо на пол в прихожей.

³ КОПЖОЖ (англ. RSPCA, Royal Society for the Prevention of Cruelty to Animals) – Королевское общество по предотвращению жестокого обращения с животными, благотворительная организация, действующая в Англии и Уэльсе.

⁴ 101 – «информационный» номер британской полиции, в отличие от номера экстренного вызова чрезвычайных служб 999 и действующего наряду с ним номера 112, принятого в Европе и России.

Глава 2

Окна светятся оранжево-красным – пламя пляшет за стеклами, превращая внутренность дома в полную черноту. Густой дым карабкается по стенам, протягивая к небу свои серые пальцы.

Почти беззвучно метнувшись по ковру, пламя накидывается на занавески, мебель – буквально на все на своем пути. Стекла трещат от жара, темные струйки дыма ползут вверх по лестнице, просачиваются под двери.

Проникают и ей в ноздри. Проснувшись она от собственного кашля, и от недостатка кислорода приходится натужно втягивать воздух полной грудью. Джесс открывает глаза. Вокруг практически беспросветная темень, но она видит какой-то туман, притаившийся по краям потолка. Тот парит в воздухе обманчивым призраком, густой и устрашающий. Она вновь заходит в кашле – кажется, что легкие чем-то намертво забиты.

И вдруг, прорвавшись сквозь одуряющую дремоту, сознание со щелчком включается. Джесс спрыгивает с кровати, натягивает на себя лишь старую безразмерную футболку и устремляется к двери. Дверная ручка на ней холодная, и она медленно толкает ее от себя в коридор.

Вся лестничная площадка второго этажа затянута дымом. С бешено забившимся сердцем Джесс инстинктивно падает на колени и ползет по ковру. Бросает взгляд вниз по лестнице, и ее передергивает от того, что она видит.

Входной двери не видно – вся прихожая объята пламенем. Целое море огня лижет край лестничного пролета. Треск пожара, заглушающий все остальные звуки, приводит ее в ужас. И тут она кое-что сознает. Пожарная сигнализация! Джесс поднимает взгляд сквозь серую завесу над головой, высматривая белые кругляши на потолке, которых здесь даже в избытке. Почему они не сработали? Почему не разбудили Патрика или Элис?

Мысль о родных пробуждает ее окончательно. Она вновь и вновь выкрикивает имя мужа, пока ползет по полу коридора, давясь, кашляя и ощущая за спиной жар пламени. Потянув на себя, открывает дверь комнаты дочери, врывается внутрь и трясет Элис, пытаясь разбудить. Дым здесь еще гуще, он уже почти заполнил комнату до самого потолка. Джесс понимает, что времени у них в обрез. Но Элис не двигается, ее глаза остаются закрытыми, дыхание натужное.

Крыльцо – прямо под окном гостевой спальни, где спит Патрик. Она оглядывается назад, молясь, чтобы ее муж уже успел выбраться. Туда никак уже не попасть. Пол коридора теперь полностью охвачен красно-желтым пламенем, вздымающимся до самого потолка. Она чувствует его удушающий жар, ковер начинает плавиться у нее под коленями.

Держа дочь на руках – та по-прежнему без сознания, – Джесс пинком захлопывает дверь, лихорадочно пытаясь сообразить, каким еще способом можно отсюда выбраться. Пригибается как можно ниже к полу и пробирается к окну.

До сада – обрыв в два этажа. Она знает, что как только откроет окно, приток кислорода еще больше взметнет пламя, и всматривается сквозь потемневшее от сажи стекло. Прямо под ними – поросшая высокой травой лужайка, но все равно. В мороз она будет твердой, как бетон.

Однако оставаться здесь почти неминуемо означает смерть для них обеих.

Теперь уже совершенно неконтролируемо кашляя, Джесс распахивает створки окна. Свежий воздух немного успокаивает легкие, но тут она слышит, как пламя у нее за спиной, взревев, резко набирает силу.

Неуклюже, по-прежнему с Элис на руках, она влезает на подоконник – ноги болтаются над бездной. Смотрит в лицо дочери. Непонятно, дышит ли Элис, и паника охватывает ее окончательно.

Смотрит вниз во тьму.

И прыгает.

Все тело сминается, когда Джесс ударяется о землю и на миг застывает в холодной траве, ухитрившись удержать Элис сверху. Чувствует, что стукнулась головой о что-то твердое, – похоже, что о край вымощенного бетонной плиткой двора. Сотрясаясь всем телом от выброса адреналина, она поднимает взгляд на дом. Все окна ярко освещены, за ними бушует красно-желтое пламя. Окна эркера гостиной уже вылетели, выбитые неистовой вспышкой в тот момент, когда огонь глотнул насыщенного кислородом воздуха.

Джесс пробует двинуться, но жутко кружится голова, мутит, и она вновь опускается на траву, судорожно хватая ртом воздух.

Слышит вой сирен, видит синие всполохи на дороге. Появляются какие-то люди. Рядом с ней стоит мужчина в светоотражающем желтом комбинезоне, вызывая по рации медиков. Она видит пожарные лестницы, кругом кипит лихорадочная деятельность.

Дочь забирают у нее из рук. Джесс бессильно хватается ими за воздух.

– Куда вы ее тащите? – судорожно выдыхает она, глядя, как Элис уносят прочь. Откуда-то сбоку появляется фельдшер со «Скорой».

– Теперь ваша дочь в безопасности. Мы отвезем ее в многопрофильную, а скоро и вас тоже.

Джесс чувствует, как он ощупывает ее со всех сторон, проверяя, насколько она пострадала при падении.

– Я сейчас уколую вам кое-что, чтобы не было так больно, – говорит он.

– Мне совсем не... – начинает было Джесс, но она слишком выбилась из сил, чтобы спорить, когда в плечо ей вонзается игла.

Над ней склоняется пожарный.

– Кто еще в доме? – кричит он.

– Патрик, – бормочет она. – Мой муж. В гостевой спальне, которая окнами на эту сторону.

Сообщение тут же передается дальше, а Джесс все так и лежит в траве. Фельдшер пытается заговорить с ней, но она его не слышит. Не может думать ни о чем, кроме дочери.

К лицу ей прижимают кислородную маску. Вокруг шеи застегивают жесткий фиксирующий воротник.

Джесс чувствует траву у себя в волосах, футболка насквозь пропиталась влагой.

В голове все никак не укладывается то, что только что случилось, – пожар, скорость, с какой он распространился, языки пламени, уничтожившие ее дом. Ей нужен Патрик. Каждая частичка ее желает, чтобы с Элис все было хорошо. «Возьми лучше меня, – думает она, – все у меня возьми, кроме моей дочки!»

Эмоции захлестывают ее целиком, и Джесс начинает всхлипывать – слезы прокладывают чистые белые дорожки на перемазанном сажей лице. Ее несут в «Скорую». Все тот же фельдшер сидит рядом, когда машина мчится в больницу, завывая сиреной, и держит ее за руку.

– Скоро приедем, – говорит он. Лицо у него доброе, понимающее. – Не надо еще болеутоляющего?

– Нет, – шепчет Джесс. Все словно занемело, думает она. Весь ее мир потерял чувствительность.

День второй Вторник

Глава 3

Вид у полисмена, стоящего возле ленты ограждения, довольно бледный. День морозный – трава похрустывает от холода, лужи замерзли намертво. Кара выбирается из машины. Дыхание вырывается у нее изо рта облачками пара; она притоптывает ногами, стараясь сохранить тепло.

За спиной у нее детектив-сержант⁵ Ной Дикин приканчивает сигарету и, бросив окуроч, затаптывает его каблуком.

– Готов? – спрашивает она, и он кивает, угрюмо поджав губы в нитку.

Охрана места происшествия выдает им белые защитные комбинезоны, и они влезают в них, неуклюже подпрыгивая вначале на одной ноге, а потом на другой, натягивают поверх обуви пластиковые бахилы и пластиковые перчатки поверх тех, что уже были на них. Подлезают под ленту ограждения и идут по тропинке, ступая по пластиковым подкладкам, разложенным криминалистами, уже наводнившими лес. В тусклом утреннем свете те кажутся какими-то неземными существами, призрачными фигурами,двигающимися среди деревьев. Время от времени окрестности озаряет всполох фотовспышки – кто-то из криминалистов фиксирует обстановку на месте преступления.

Автомобиль обнаружили около пяти утра. Мужчина, прогуливавший собаку, заметил кровавые мазки на краске кузова и лужу чего-то красного, скопившуюся под багажником. Вскоре после этого Кару разбудил телефонный звонок, грубо выдернув из темноты. Быстро одевшись, она прыгнула за руль и помчалась на вызов, подхватив по дороге Ноя.

Наконец она видит машину. Это минивэн «Форд Гэлакси» – излюбленная тачка множества мамаш, возящих детей в школу. Бледно-голубой, старый и довольно потрепанный. Один из задних фонарей разбит, на земле валяются мелкие осколки красного пластика. Задняя дверь задрана к небу, над багажным отсеком склоняется долговзая фигура в белом комбинезоне.

Вокруг автомобиля уже расставлены большие переносные светильники на металлических треножниках, и Кара щурится на их яркий свет.

Стоящий возле машины замечает их и выпрямляется, потягивая спину.

– Детективы... – произносит он. Она узнает его по голосу и по фигуре – осанистой, высокой, явно не пролетарской.

– Доктор Росс, – отзывается она. – Я старший детектив-инспектор Кара Эллиотт, а это детектив-сержант Дикин.

– Старший детектив-инспектор? Похоже, руководство решило подогнать тяжелую артиллерию... – Вздыхнув, он отворачивается от машины. – Ну и дела тут...

Росс немного отступает, давая им заглянуть в багажник. Обоих передергивает, рука Кары взлетает ко рту. Она знала, чего ждать, но, увиденное собственными глазами, это все равно вызывает шок. Такая бесчеловечность...

– Ни хрена себе! – слышит она рядом с собой голос Ноя, глухой и осипший.

Кара опять заглядывает в багажник, пытаясь сохранять бесстрастность. Одеяло сдвинули вбок, открыв два мертвых тела. Судя по всему, женских, думает она. Одежда порвана, колготки распороты, голые ноги...

⁵ Сотрудники уголовного розыска Соединенного Королевства имеют следующие звания (по возрастанию): детектив-констебль, детектив-сержант, детектив-инспектор, старший детектив-инспектор, детектив-суперинтендант и т. д. При этом звание «главный констебль» (в ряде подразделений – «комиссар») носят руководители высшего звена британской полиции.

И буквально повсюду кровь. Красно-бурые пятна и потеки на обнаженной коже, пропитавшаяся ею одежда стала красной.

– Есть какие-то представления о причине смерти? – спрашивает она.

– На первый взгляд – проникающие ножевые у обеих девушек, – отвечает судебный патологоанатом. – Хотя мне нужно переправить их в морг, чтобы окончательно в этом убедиться. Что же касается времени смерти, то после убийства прошло где-то от трех до восьми часов, но лучше меня на этот счет не цитируйте. Трупное окоченение в полной стадии; тела еще сравнительно теплые.

– А когда мы получим официальный отчет?

Доктор Росс оглядывает машину.

– Всяко не раньше завтрашнего дня. Дайте нам как минимум сутки, прежде чем начать нас дергать.

Он передает Каре пластиковый пакетик для улики, и она подносит его к свету. Внутри – два водительских удостоверения. Она изучает лица на фото. Молодые двадцатилетние девчонки, с длинными темными волосами, почти детские улыбки. Ничем не похожие на то, что сейчас прямо перед ней.

– Нашли у них в карманах, а еще немного наличных, – добавляет доктор Росс.

– Выходит, не ограбление.

– Это уж не мне судить, старший детектив-инспектор.

Дикин забирает у нее пакетик и переписывает имена и фамилии к себе в блокнот.

Кара заставляет себя еще раз заглянуть в багажник. Тела свалены друг на друга, брошены без всякой мысли о людях, которыми они не так давно были. Вдобавок...

Она встряхивает головой, пытаясь выбросить увиденное из головы. Кто же способен такое сотворить? Только тот, для кого не существует никаких границ, кому неведомы никакие колебания. Тот – а она уже почти уверена, что это именно «тот», а не «та», – кто полностью лишен способности к состраданию.

Кровь натекла из машины, собравшись лужей в грязи под ней. Кара замечает две глубокие зарубки прямо поперек бампера.

– А насчет этого что думаете? – спрашивает она у доктора Росса, показывая на них. Зарубки абсолютно прямые, дюймов шести в длину.

– Что лично я думаю? – Росс делает рубящее движение ладонью, и Кару опять передергивает. – Удар достаточной силы, даже чтобы пробить пластик. Криминалисты снимут слепки, когда я закончу.

С Кары уже достаточно. Она отходит от багажника и открывает дверцу, чтобы заглянуть на заднее сиденье. На его обивке тоже лужицы крови, кровавые брызги и потеки по всему салону и даже на потолке. На резиновых ковриках перед сиденьем, похоже, следы рвоты, и даже сквозь защитную маску она чувствует, что автомобиль провонял мочой и потом. Запах страха.

Кара прокашливается. Пора заняться делом.

– Как думаешь, убили их прямо здесь? – опять обращается она к Дикину, который заглядывает ей через плечо.

– Не исключено. Видела отметины у них на запястьях? Их явно связывали или сковывали наручниками. Он хорошо подготовился.

Они переходят к передней части машины, открывают бардачок, заглядывают под сиденья. Кара хочет все осмотреть сама, хотя знает, что криминалисты все здесь обработают, возьмут на учет абсолютно все, что тут оставлено, – биологический материал, пальцевые отпечатки, вещественные улики... Но на первый взгляд вроде ничего в глаза не бросается.

Кара кивает на прощание Россу, и они идут по тропке обратно. Дикин приподнимает ленту, когда напарница подныривает под нее. Снимают защитные комбинезоны, и Кара нажи-

мает на кнопку пульта, открывая машину. Оба забираются внутрь, радуясь возможности хоть как-то укрыться от пронизывающего холода.

Дикин почти сразу же прикуривает сигарету и глубоко затягивается. Опускает стекло и выдувает дым на холодный воздух. А Кара, прижав пальцы к губам, размышляет, наблюдая за передвижающимися по месту преступления криминалистами.

Погибли две женщины. Скорее даже девчонки. Она вспоминает, во что они были одеты: блестящие топы, колготки, короткие юбки...

– Решили отдохнуть вечером? – произносит она.

– В понедельник? – Ее напарник еще раз затягивается, и Кара переводит взгляд на него. Ной Дикин из тех людей, которые курят так, будто приобрели эту привычку с самого рождения. И это полностью соответствует его обычному внешнему виду – сегодня на нем облегающая рубашка с распушенным и свободно болтающимся галстуком и темные джинсы. На ком-нибудь другом все это казалось бы обычными обносками; Дикин же в подобном наряде всегда умудрялся выглядеть стильно, причем без всяких усилий со своей стороны.

– Студентки? – предполагает Кара.

– Но что они тут делали?

Они находятся сейчас в натуральной глуши, более чем в десяти милях от ближайшего населенного пункта.

– Девушки возвращаются домой, он их подбирает на дороге и похищает? – отзывается Кара.

Она с завистью поглядывает на сигарету. Конечно, ей и раньше доводилось видеть трупы, но только не такие. Ничего похожего. Какие мысли возникли в головах у этих девчонок, когда он завез их сюда? Когда сковывал наручниками? Они наверняка были в полном ужасе...

Звонит телефон Кары, прерывая эту вереницу мыслей. Она переводит его на громкую связь.

– Шеф? Вы на месте? – Голос одного из детективов-констеблей из ее группы – старательного, тихого парнишки по имени Тоби Шентон – наполняет салон машины.

– Да, на месте. По госномерам есть уже какая-то инфа? – спрашивает у него Кара.

– Машина со вчерашнего вечера числится в угоне, – отвечает он, и Кара вздыхает. – Владельца уже везут в отдел для беседы.

– Хорошо. Ной сейчас отправит тебе имена и фамилии потерпевших. К тому моменту, как мы вернемся в отдел, я хочу знать про них абсолютно все.

– Вы ведь не хотите, чтобы я... – запинаясь Шентон, и Кара сразу перебивает его:

– Нет, не переживай, Тоби. Я не хочу, чтобы ты известил родственников, предоставь это нам. – Ной рядом с ней закатывает глаза, она снисходительно улыбается ему. – Просто проделай всю подготовительную работу.

– Шеф... – Шентон опять медлит. – А это правда, что говорят?..

Кара хмурится. Все это обязательно выплывет. Подробности подобного двойного убийства, столь уникального, столь демонстративного, разойдутся по отделу особо тяжких преступлений за какие-то минуты, сколько бы они ни пытались держать их в тайне.

– Да, правда.

– Что этих девушек...

Кара бросает взгляд на Ноя. Тот еще раз затягивается сигаретой, уставившись в окно.

Она припоминает внутренность машины. Два тела – измятых, изломанных. Два окровавленных обрубка шеи – белые кости, бурая плоть, обрывки сухожилий. И две головы, уткнувшись друг в друга. Небрежно сброшенные в багажник, словно какой-то мусор, – мокрые волосы слиплись от крови, остекленевшие глаза широко раскрыты...

– Да, – произносит она наконец. – Их обезглавили.

Глава 4

Время проходит, как в тумане. Джесс помнит «Скорую», помнит, как пыталась спрашивать про Элис, про Патрика, когда ее закатывали на каталке в больницу, яркие лампы дневного света над головой. Помнит врачей, сменяющие друг друга лица перед глазами...

Очнувшись, она моментально понимает, где находится. Узнает звуки: попискивание аппаратуры, голоса в коридоре, поскрипывание резиновых подошв по линолеумному полу... Узнает чувство грубых простыней у себя на коже.

Она в больничной палате – голубая занавесочка ширмы задернута, отделяя ее от остальных пациентов.

Слышит, как совсем рядом с ней скрипнул стул – кто-то сидящий на нем поменял позу. Там какой-то мужчина, крупный малый в черной куртке, потертых джинсах и больших тяжелых ботинках.

– Кто вы? – спрашивает она. Голос у нее сиплый, горло дерет.

– Как вы себя чувствуете, миссис Амброуз?

– Сама не пойму, – отвечает она. Но тут же все вспоминает, и волной накатывает страх. – Где Элис? Где моя дочь?

– Она в реанимации, вместе с вашими родителями, – говорит мужчина. – Она здорово наглоталась дыма, и у нее была дыхательная недостаточность из-за отравления угарным газом. Но самое худшее уже позади, все с ней будет хорошо.

Джесс пытается сесть, но очень кружится голова.

– Мне нужно ее увидеть, – выдавливает она, но мужчина качает головой.

– Не сейчас, миссис Амброуз. Мне нужно поговорить с вами о том, как именно погиб ваш муж, прежде чем мы разрешим вам повидаться с дочерью.

– Мой муж... – повторяет Джесс. – Так Патрик погиб?

У мужчины хватает порядочности принять виноватый вид.

– Простите... Я думал, вы в курсе. Пожарные обнаружили тело в гостевой спальне. Насколько я понимаю, это был ваш супруг?

Джесс медленно кивает. Начинает плакать. Что, черт возьми, произошло? Как Патрик мог погибнуть? Он был там, просто был там же, где и она, – в их доме. Он сегодня собирался в Лондон. Кто-нибудь уже звонил ему на работу? Кто-нибудь разговаривал с его родителями? Надо ли ей...

– Не могли бы вы рассказать мне про вчерашний вечер? – спокойно спрашивает мужчина.

– Так вы из полиции! – С быстро забившимся сердцем она передергивается, стиснув зубы. Знакомая конвульсия тревоги. – Я не хочу с вами разговаривать.

Он выпрямляется на стуле. Меряет ее взглядом. Все так же спокойно произносит:

– Это все равно никуда не денется, Джессика. Чем раньше вы мне все расскажете, тем скорее мы все проясним и вы сможете увидеть дочь.

– Проясним? О чем это вы? – Но тут она все сознает. Бросает на него яростный взгляд сквозь слезы. – Вы думаете, это моих рук дело?

– Это был поджог. Кто-то намеренно устроил пожар.

– Это не я!

– Ну так расскажите мне, что произошло. – Мужчина делает паузу, и она чувствует, как он изучает ее лицо на предмет какой-то реакции. – Разве вы не хотите увидеть Элис, миссис Амброуз?

Она кивает. Да, хочет, больше всего на свете!

Он передает ей бумажный платочек из стоящей на тумбочке коробочки, и она вытирает глаза, сморкается. Сопли на платочке черные от сажи.

Джесс мотает головой.

– Я вообще-то мало что помню, честно говоря. Я проснулась, учуяла дым. Вышла из своей спальни. Повсюду был огонь. Я схватила свою дочь и выбралась из дома единственным путем, который у меня оставался.

– Вы вызвали пожарных?

– Нет, не вызывала.

– А почему?

– Ну... я не знаю. – Действительно, почему она сразу не позвонила в «три девятки»? Ей просто не пришло в голову. В такой панике она могла думать только про дочь.

– Почему вы с мужем спали в разных комнатах?

– Ему рано утром надо было по делам. Он не хотел меня тревожить.

Мужчина кивает, о чем-то размышляя. Выглядит он не так, как она ожидала бы от офицера полиции: смугловатый, задумчиво-хмурый, с всклокоченными волосами и с как минимум недельной щетиной. И еще она улавливает какой-то странный запах: не то чтобы неприятный, но немного затхлый, и вроде как слегка отдает соляжкой или еще каким-то топливом. Это напоминает ей запахи гаража.

– А как к вам обращаться? – спрашивает она. – Детектив...

– Гриффин, – подсказывает он. – А в последнее время вы не замечали ничего странного?

– Странного?

– Кого-нибудь, кого вы раньше не замечали в вашем районе. Кто наблюдал бы за вами, за вашим домом... Ваш муж не упоминал чего-нибудь в этом роде?

Джесс пытается припомнить.

– Нет, вроде ничего такого в голову не приходит.

– В вашем доме есть видеонаблюдение или сигнализация?

Она мотает головой.

– Жаль.

Джесс замечает, что его взгляд перекидывается на ее левую руку, на прямые белесые линии, четко выделяющиеся на коже. Джесс поспешно натягивает одеяло, чтобы прикрыть их.

– Датчики дыма, – отвечает она. – Они почему-то не сработали.

Гриффин опять кивает. Джесс замечает, что он ничего не записывает, просто слушает, все с тем же хмурым видом.

– Когда вы их в последний раз проверяли? – спрашивает он.

Она не может припомнить. Открывает было рот и тут же закрывает его опять. Не знает, что еще ему сказать, чтобы он ей поверил.

Но тут занавеску отдергивают вбок, и перед ними появляется еще один мужчина. Гриффин встает и пятится назад, как только замечает бейджик на шнурке и стетоскоп на шее мужчины.

– Джесс! Прости, я примчался, как только узнал... Ты как?

При долгожданном виде своего старого друга Джесс сразу испытывает облегчение. Врач поворачивается, словно только что заметив другого мужчину, стоящего возле кровати Джесс.

– Нав Шарма, – представляется он, протягивая было руку, но Гриффин уже уходит, опустив голову и ссутулившись.

Нав опять поворачивается к Джесс, присаживается на стул, на котором только что сидел детектив. Берет ее руки в свои.

– Нав, ты уже видел Элис? – спрашивает она.

– Да. Она очнулась, но все еще на кислороде, чувствует плохо, с жуткой головной болью. – Он улыбается, но ей хорошо видны бессонная ночь и беспокойство у него на лице. – Реаниматологи тут – настоящие мастера своего дела. Она в хороших руках, лучше не найдешь. И я прекрасно знаю свою крестницу, она девочка сильная. Настоящий боец.

– А мои мама с папой?..

– Они за ней присматривают.

Джесс чувствует себя значительно лучше, зная, что ее родители сейчас рядом с дочерью. Она представляет себе свою маму, нежно гладящую Элис по волосам. Папу, который суетится вокруг, отслеживая каждую мелочь.

– Так ты как? – мягко повторяет Нав.

Его доброта опять вызывает у нее слезы, и он склоняется к ней, сжимает в крепких объятиях. Джесс прикидывается к нему. От него пахнет антисептиками и долгой ночью в больнице. Нав медленно отпускает ее.

– Соболезную насчет Патрика, – произносит он. – Он был... он...

И тут же умолкает, мрачно опустив уголки губ и прикрыв глаза. Она слабо улыбается другу, стиснув его руку. Нав делает глубокий вдох, берет себя в руки и вновь смотрит на нее. Джесс знает, что он гораздо сильнее расстроен, чем сейчас показывает, но его профессионализм берет верх.

– А они знают... – начинает было он, но она сразу же перебивает его:

– Конечно же, знают, Нав! Это записано во всех моих медицинских карточках! – Произносит она это более резко, чем намеревалась, и сразу же ощущает укол вины. Следует пауза, и она знает, что Нав неотрывно смотрит на нее. Ей не нравится быть человеком, которого он сейчас перед собой видит. Слабым, больным. Жалким.

Джесс опускает взгляд, все еще сжимая в кулаке сырой бумажный платочек. Замечает черноту у себя под ногтями, грязные разводы сажи, въевшиеся в кожу.

– А кто это был? – наконец спрашивает Нав.

– Полицейский.

Обернувшись, он смотрит на дверь, в которую вышел Гриффин, но в коридоре пусто.

– Они не дают мне повидаться с Элис. Они думают, что я... – Голос Джесс сходит на нет, и Нав кивает с мрачным выражением на лице.

– Знаю. Твоя мама мне уже сказала.

– Присмотришь за ней, хорошо? – просит Джесс, ощущая, как начинают тяжелесть веки. Тело ее совершенно измотано, нуждается в энергии, чтобы оправиться.

Присутствие Нава дарит ей покой. Он ее самый старый и лучший друг – с тех самых пор, как они познакомились в одной местной забегаловке во время учебы в университете. Нав тогда тусовался в компании разгульных студентов-медиков, по уши накачанных алкоголем и тестостероном, а Джесс тихо проводила вечер в компании подруг. И в самый разгар вечера, невнятно извинившись, Нав блеванул ей прямо на туфли.

На следующий день – непонятно каким образом – он ее разыскал и вручил новенькую пару кроссовок. Это был совершенно неожиданный жест, хотя и полностью соответствующий тому, что на деле представлял собой Нав. Хорошо воспитанный, предупредительный, щедрый... Она с готовностью доверила бы ему даже собственную жизнь. И вот теперь доверяет ему жизнь своей дочери...

Джесс закрывает глаза.

– Обещаю, – слышит она голос Нава, когда ее разум постепенно уплывает в никуда.

Глава 5

Кара замечает, как коллеги сразу начинают перешептываться, едва они с Дикином вновь оказываются в отделе полиции. Две молодые женщины. Убиты. Обезглавлены. Она знает, что теперь все будут следить за каждым ее шагом, чтобы посмотреть, как она управится с этим делом; вполне можно предположить, что уже заключены кое-какие пари касательно времени,

которое пройдет до первого ареста. Хотя вряд ли у кого-нибудь хватит наглости в этом признаться.

– Эллиотт! – слышит Кара рев с другого конца комнаты и, повернувшись, видит старшего детектива-суперинтенданта Марша, стремительно направляющегося к ней.

Ее непосредственный начальник находится под постоянным давлением и, похоже, живет лишь на лошадиных дозах никотина и кофеина, отчего всегда бледен, как покойник. Вот и в данный момент лицо у него серое, щеки под выступающими скулами запали внутрь, в руке чумазая кофейная кружка. Он на ходу прикладывается к ней, кривится и велит ближайшему детективу-констеблю по-быстрому стонать за свеженькой.

Взмахом руки Марш приглашает Кару в ее собственный кабинет, а потом пристраивает свои тощие ягодицы на краешке ее письменного стола и складывает руки на груди.

– Насколько я понял, владелец машины – это тупик, – объявляет он, сразу переходя к делу.

Кара снимает куртку и садится в свое кресло.

– На вчерашний вечер у него железное алиби, – подтверждает она, повторяя то, что сообщил ей Шентон по пути с места преступления. – Но родственников уже известили, а бойфренд одной из девушек ждет внизу.

Их подчиненные хорошо поработали. Обе убитые девушки и впрямь оказались студентками. Умными, трудолюбивыми, усердными молодыми женщинами, которых ждало светлое будущее. И родственники в других концах страны.

Каре не хочется этого признавать, но она рада, что не ей пришлось нести ужасные вести. Ей слишком уж часто доводилось это проделывать. Родители с пепельными лицами, обезумевшие мужья, рыдающие жены... Нет никакого благопристойного и не затрагивающего чьих-то чувств способа сообщить кому-то о смерти любимого человека в результате жестокого убийства.

– Отлично. Посмотрим, что получится из него добыть. – Марш хмурится, глядя в открытую дверь кабинета на белую доску в большом зале, превращенном в штаб расследования. Шентон уже прикрепил в самом ее верху изображения погибших девушек – увеличенные фото из их студенческих билетов. Ниже – имена черным маркером. Мариша Перес. Энн Лис. Обе улыбаются, в полном неведении о своем ближайшем будущем.

– Камеры наблюдения что-нибудь дали?

Кара указывает на компьютер, за которым сейчас сидит Шентон. Над его плечом склоняется Дикин.

– Как раз сейчас этим и занимаемся.

Марш кивает.

– Держи меня в курсе, – приказывает он.

Кара выходит вслед за ним в штаб расследования, а потом смотрит, как начальник направляется к своему собственному кабинету, подхватив по пути новую кружку кофе и почти залпом заглатывая обжигающе горячую жидкость.

– Дикс! – зовет Кара, и Дикин оборачивается. Она головой показывает на дверь – мол, давай за мной.

Время заняться сердечным дружком одной из девушек.

* * *

Рик Бейкер молод, стильно одет и нервничает. Парень, похоже, из тех, кто меняет подруг, как перчатки, и явно завсегдатай спортзала. Доставив Рика в отдел, они усадили его в допросной, заставив полчасика попотеть: и впрямь рубашка на нем вся мокрая и липнет к спине.

Кара и Дикин усаживаются напротив него. Включают видеозапись, делают стандартное объявление о добровольном участии в допросе, и в этот момент вид у парня такой, будто он вот-вот расплачется. Беседу ведет Дикин. Время дорого, а Кара знает, что в Ное есть что-то, что позволяет ему моментально завязывать контакты с мужчинами. Начинает он мягко, выразив свои соболезнования по поводу столь страшной потери. Малый кивает, крепко сжав губы.

– Можете сказать нам, когда вы в последний раз видели Маришу? – спрашивает Ной.

– Вчера. Где-то перед обедом. Мы договорились кое-чем заняться сегодня, а вчера ей хотелось чисто по-девичьи провести вечерок с Энн.

Кара видит, что парень всеми силами пытается держать себя в руках, но потом лицо его кривится, и он все-таки не может сдержать слезы.

Дикин смотрит на Кару и едва заметно поднимает бровь. Ей сразу понятно, что Ной хочет ей этим сказать: либо перед ними и впрямь убитый горем бойфренд, либо он изо всех сил пытается таковым выглядеть.

Дикин передает ему бумажную салфетку.

– И куда они планировали податься? – спрашивает он.

Рик вытирает глаза. Громко сморкается.

– В «Рефлекс». Как обычно. Это такой клуб в городе, в стиле восьмидесятых. Надо мне было с ними пойти! Надо было настоять, чтобы они раскошелились на такси до дома, в кои-то веки!

Кара выпрямляется на стуле.

– А как они обычно добирались домой?

– Просто пешком. Но вчера вечером было холодно, так что они могли... – Его голос сходит на нет. Парень мотает головой. – Иногда они голосовали на шоссе. И их всегда кто-нибудь подбирал. Мариша только смеялась надо мной, когда я беспокоился на этот счет; говорила, что они вдвоем, что все будет нормально... – Он поднимает взгляд. Глаза его покраснели. – Но вышло совсем не так, верно?

Дикин подается вперед, глядя несчастному парнишке прямо в глаза.

– Но вы же не могли этого знать, – произносит он. – А что вы сами делали вчера вечером?

Рик рассказывает им про события своего вечера. Писал курсовик у себя в комнате. Около одиннадцати лег спать.

– Кто-нибудь вас видел? – спрашивает Ной.

Разумеется, никто.

* * *

Они закругляют допрос. Рик уходит. Кара с Ноем смотрят, как он толкает двойные двери, выходит на морозный январский день.

Кара бросает взгляд на Ноя. Тот надолго задумывается, после чего проводит рукой по волосам.

– Не наш парень, согласна? – произносит он.

– Он невысокий, но сильный, мог запросто все это проделать. Но угнать машину, час ехать на ней из города, убить их подобным образом... Какой тут мог быть мотив? – Кара кривит губы. – Мы взяли у него образцы, и кто его знает, что там скажут эксперты... Но нет. Не думаю, чтобы это был он.

– Так ты что, хочешь сказать, что они просто случайно попались кому-то на глаза? – спрашивает Дикин. Оба разворачиваются и начинают подниматься по лестнице обратно в кабинет.

Кара не отвечает на его вопрос. Она знает, о чем он думает. Подавляющее большинство преступлений совершается людьми, близкими к жертве. Внезапный приступ ярости во время

ссоры, прочие очевидные мотивы... Таких легко найти. А вот нечто подобное – когда преступник откуда-то ниоткуда и звать его никак, – это уже гораздо сложнее.

Они открывают дверь в штаб расследования. Остается лишь старая добрая полицейская рутина. Камеры видеонаблюдения. Криминалистическая экспертиза. Подомовые и поквартирные обходы. Вся эта тоскливая мутота. Изучение свидетельских показаний, пока что-нибудь вдруг не выплывет.

Кара бросает взгляд на часы на стене – уже почти четыре часа дня – и понимает, что не будет дома к ужину.

Потому что ниже часов появились новые фото, снятые этим утром на месте преступления. Шентон уже получил их из криминалистической лаборатории, и они требуют ее внимания. Она с трудом отводит глаза от мертвых девушек, отсеченных голов, от различных частей машины, отмеченных смертью. Окровавленные задние сиденья, отпечатки ладоней по всем дверям, красные мазки на потолке... Кара хмурится. Дикин улавливает выражение ее лица.

– О чем думаешь? – спрашивает он.

– Да просто... – Она тычет пальцем в одно из фото с места преступления. – Все в этой сцене просто визжит об иступленном нападении под влиянием момента. Эти удары ножом. Эта кровь... Явный намек на близость и что-то сугубо личное.

– Да. И?..

– Но место совершения – эта жопа мира, плюс отсеченные головы... – Она смотрит на Ноя. – Это больше похоже на что-то запланированное. Ему нужны были соответствующие инструменты, подходящий тип ножа... И зачем было их обезглавливать, Дикс? Когда мы сочли бы это нормальным?

– Когда надо как-то избавиться от тела?

– Верно. Но это совершенно не та ситуация.

– Может, он передумал? – Они стоят бок о бок, лицом к белой доске. В абсолютно одинаковых позах – скрестив руки на груди, с одинаково хмурыми лицами.

– Изнасилование пошло не по плану? – предполагает Ной. – Они сделали что-то, что его разозлило, и он потерял контроль над собой?

– Это же как надо выйти из себя, чтобы устроить такую бойню? – бормочет Кара. – Для простого убийства все это уж слишком.

Кара не хочет заканчивать свою мысль. Дикин и так понимает, что творится сейчас у нее в голове, но ему кажется, что произнести это вслух – лишь испытывать судьбу.

Если этот тип настолько потерял контроль над собой, мрачно думает она, то одним разом все явно не ограничится. Очень высока вероятность того, что он сделает это снова. И скоро.

Глава 6

Когда Джесс опять просыпается, в больничной палате значительно темнее. Она чувствует себя одурманенной, с трудом пытается сообразить, сколько прошло времени.

Смотрит на стул рядом с кроватью. Нав обмяк на нем, голова его завалилась под неудобным углом, темные волосы спадают на лицо – он крепко спит. Он явно куда-то уходил и вернулся – под ногами у него сумка, через спинку стула перекинута куртка.

Даже в присутствии верного друга она чувствует тоску и одиночество. Вспоминает про Патрика – про то, как они поссорились вчера вечером. О том, как разошлись по своим комнатам, даже не поцеловав друг друга на ночь...

Джесс начинает плакать, судорожно всхлипывая. Все, чего ей сейчас хочется, – это увидеть мужа, обнять дочь. Элис потеряла отца. Ей следует сейчас быть рядом с ней. Да как они вообще могут думать, что она имеет ко всему этому хоть какое-то отношение?

Но тут Джесс слышит за занавеской приглушенные голоса, прекращает плакать и изо всех сил вслушивается. Тон настойчивый. Обсуждают что-то важное.

– Вот только то, что в датчиках дыма не оказалось батареек, вовсе не означает, что она убила своего мужа!

Джесс узнает голос – это опять тот самый мужчина-детектив, говорит резко и раздраженно.

– Но ее отпечатки на лейке, в которую был налит керосин, – это о чем-то тебе говорит? – Женщина на сей раз, тон явно недовольный. – И у нее есть приводы, ты вообще читал ее досье? Ну естественно, не читал!

Голова у Джесс идет кругом. Почему-то она до сих пор верит, что пожар был просто несчастным случаем. Что какая-то неисправность в проводке или поврежденная розетка вызвали искру. Но это?.. И они *знают*! О том, что произошло два года назад. Про то, что...

– Я категорически не согласен.

– Гриффин, при всем должном уважении, мне совершенно насрать. Ты больше не работаешь в полиции. Это не твоё дело. Тебе нельзя даже просто здесь находиться.

Джесс поднимает голову и через узкий просвет в занавеске видит лицо той женщины. Губы поджаты, глаза смотрят в пол. Вид у нее такой, будто она с трудом сдерживается, чтобы не сказать еще сотню вещей в том же духе.

– Ты спрашивала ее про сережку?

– Seriously, Гриффин, эта твоя версия...

– Так спрашивала?

– Эта сраная сережка не имеет абсолютно никакого отношения к другим делам! Это отдельное расследование. *Мое* расследование. Далеко не все связано между собой, как ты себе вообразил. – Пауза. Глубокий вдох, а потом долгий выдох. – Ну хорошо. Как только врач даст добро, мы арестуем ее и тогда сможем спросить.

– А когда это произойдет?

– Да хоть прямо сейчас, будь моя воля! Но она брякнулась с довольно большой высоты, и я не хочу, чтобы она окочурилась у меня в камере. – Мужчина собирается что-то сказать, но женщина его перебивает: – Seriously, Гриффин. Хватит уже. Держись подальше от моего подозреваемого, я тебя предупредила.

Джесс слышит громкие шаги, когда женщина решительно уходит прочь, а потом быстро закрывает глаза, когда чья-то рука отдергивает занавеску. Она представляет, что там стоит тот самый мужчина, Гриффин, – который, как выяснилось, никакой не детектив, который вроде как на ее стороне. Ждет каких-то вопросов от него, но потом слышит резкий выдох, занавеску опять задергивают на место, и звук его тяжелых ботинок стихает вдаль.

Опять открыв глаза, Джесс чувствует скопившиеся за ними слезы. Поднимает руки, опасливо трогая повязку. Смотрит на трубку капельницы, спускающуюся к руке. Она прикована к больничной койке, а эта женщина-детектив намерена арестовать ее – поскольку уверена, что она убила своего мужа и пыталась убить свою дочь! Дочь, которую ей не позволяют увидеть, которую она не может взять на руки, успокоить и сказать ей, что все будет хорошо. Какая же она после этого мать?

Джесс может объяснить свои отпечатки пальцев – это наверняка ее собственная лейка, которую она уже миллион раз использовала в саду. Но керосин? Про это она ничего не знает. И да, она смотрела полицейские сериалы на «Нетфликсе»⁶ – в курсе, что раз у полиции есть версия, то только ей они и будут следовать. Они полностью зашорены, совершенно слепы к другим возможным вариантам.

⁶ «Нетфликс» (англ. Netflix) – американский онлайн-кинотеатр, поставщик фильмов и сериалов на основе потокового мультимедиа.

Ей уже доводилось иметь дело с полицейскими вроде этой женщины. Полицейскими с холодными, безразличными глазами, нацеленными на нее, и только на нее, и даже не думающих переместить их на кого-то еще. Джесс помнит, как ей заломили руки за спину. Помнит холодный металл у себя на запястьях, колющий гравий под щекой. Помнит чувство полнейшей беспомощности и свое полное убеждение, что она никогда не допустит, чтобы такое с ней когда-нибудь произошло еще раз.

Во рту пересохло, язык шершаво ворочается во рту, так что Джесс тянется за стаканом, стоящим на тумбочке, отпивает из него. Вода противно теплая.

Смотрит на Нава. Тот по-прежнему беспробудно спит, завалившись на бок. Джесс понимает, что ей придется сделать. И что ей придется сделать это прямо сейчас.

Она садится на кровати. Голова кружится и слегка подташнивает, отчего трудно даже просто опустить ноги к полу. Трудно, но не невозможно.

Смотрит на канюлю в своей руке и снимает пластырь, после чего медленно вытаскивает иглу. На месте укола тут же расцветает красный цветок. Джесс выдергивает бумажную салфетку из коробки на тумбочке и крепко прижимает ее к вене. Ерзает на кровати, и вот обе ноги уже на полу. Медленно встает и бросает взгляд на Нава. Но он даже не пошевелился. Тело обдает холодком. На ней одна лишь больничная рубашка, не застегнутая на спине.

Свою футболку она нигде рядом не видит – и с ужасом сознает, что детективы наверняка забрали ее в качестве вещественного доказательства. Открывает шкафчик рядом с кроватью и молча благодарит свою мать – здесь оставлено несколько основных туалетных принадлежностей и стопка совершенно новой одежды: нижнее белье, тренировочные штаны, джемпер... Джесс одевается, натягивает носки и пару кроссовок. Наскоро причесавшись, стягивает волосы высоко на затылке в конский хвостик, всеми силами стараясь привести свою истерзанную внешность в порядок. Пробует изобразить улыбку на лице. Все получится. Должно получиться.

Она подходит к Наву и осторожно вытаскивает у него из-под ног сумку. Ставит ее на кровать, роется внутри.

Вскоре пальцы нащупывают холодный металл, и Джесс вытаскивает ключи от машины. Вовремя вспомнив, вынимает все наличные из бумажника.

– Прости, Нав, – шепчет она.

Джесс понимает, что это плохая мысль. Знает, что, когда она в таком состоянии, хуже всего игнорировать советы врача, но это совершенно другой случай. Это чрезвычайная ситуация.

Хотя – оставить здесь дочь?..

Стоя на подгибающихся ногах, Джесс отдергивает занавеску вбок – палата вроде пуста – и осторожно движется из своего закутка к двери.

Идет по указателям в отделение интенсивной терапии. Двери по пути открываются автоматически. Уже довольно поздно, и больничные коридоры пусты. Никто ей не препятствует.

Но тут Джесс останавливается. В дверях отделения реанимации стоит мужчина в хорошо узнаваемой черной форме – взгляд выжидающий, руки за спиной. Он кивает, улыбнувшись, когда мимо него проходит кто-то из врачей, и Джесс понимает, что сегодня ей своей дочери не видать.

Она быстро ныряет обратно за угол, тяжело дыша, уже на грани слез. Ей просто хотелось провести Элис, взять ее за теплую ладошку, поцеловать ее, сказать ей, что все будет хорошо! Но там мама с папой, говорит себе Джесс. Она помнит сотни случаев в прошлом, когда ее родители командовали врачами, терпеливо сидели возле ее кровати, сколько бы времени на это ни требовалось. Может, сама она и не может увидеть Элис, но сейчас это самые близкие для нее люди...

Джесс разворачивается. Можно еще вернуться в свою палату. Можно положить на полицию – на то, что они все-таки докопаются до правды. Но неуютное чувство, которое сопровождает эту мысль, быстро выталкивает ее из головы.

Джесс вновь пускается в путь по больничным коридорам. Минует двух медсестер, о чем-то болтающих в уголке, и уверенно улыбается им. «Покурить», – бросает им на ходу. Обе хмуро смотрят на нее, но без всяких вопросов пропускают, и она с облегчением выдыхает, когда они остаются позади.

Выискивает взглядом указатели к главному вестибюлю. Сердце готово выпрыгнуть из груди – Джесс убеждена, что в любой момент кто-нибудь заметит ее и оттащит обратно в палату, на сей раз в наручниках. Но, наверное, уже слишком поздно, или все слишком устали. Как бы там ни было, никто ее не останавливает.

Наконец она видит перед собой двойные двери главного входа. Здесь народу побольше – медсестры пьют кофе в «Косте», заскучившая девушка за регистрационной стойкой смотрит в свой компьютер. Но достаточно лишь кому-то одному узнать ее, и все – игра окончена.

– Эй! – слышится совсем рядом чей-то голос, кто-то хватается за рукав.

Джесс оборачивается, дыхание у нее перехватывает.

– Вот, вы уронили, – говорит какой-то мужчина, протягивая ей пятифунтовую банкноту. Она берет ее дрожащей рукой.

– Спасибо, – каркает в ответ.

– Вам чем-нибудь помочь? – спрашивает он.

– Нет, нет, все нормально. Просто иду покурить. – Джесс улыбается, со все еще напряженным лицом.

– В такую погоду? – удивляется мужчина. Она смотрит на двери. Дождь льет стеной, лужи затопили весь тротуар. А у нее даже нет куртки. Он вроде как в сомнениях: смотрит на нее как на психбольную, удравшую из отделения на третьем этаже.

Джесс опять улыбается.

– Я быстренько. – Выдавливает смешок. – Меня сняли с метадона⁷, так что никотин теперь единственный наркотик, который мне дозволен.

Эта тактика срабатывает, и мужчина пятится от нее.

– Ну вы уж поаккуратней, – мямлит он и спешит прочь.

Дождь еще сильнее, чем она предполагала. Джесс за какие-то секунды промокает до нитки, одежда липнет к телу, вода струится по лицу. Она как можно быстрее движется к автомобильной стоянке, замерзшая, с кружащейся головой, пытаясь вычислить, в каком месте искать черный «Рено Клио» Нава.

Идет вдоль рядов машин на верхнем уровне многоэтажной парковки, то и дело нажимая кнопку на ключах. Холодный ветер пробирается под промокший джемпер, и ее начинает бить озноб. И тут наконец оранжевая вспышка. Джесс молча возносит молитву, благодаря Нава за то, что он человек привычки, спешит к машине, бросается внутрь и захлопывает дверцу, отгородившись от дождя и ветра.

Но куда ехать?

Есть Нав. Можно поехать к нему домой. Спрятаться там, пока он сам не вернется туда.

Можно к родителям. Но они все еще в больнице. С Элис.

Джесс с содроганием сознает, что у нее больше нет никаких друзей. По крайней мере, таких близких, к которым можно постучать в дверь на ночь глядя и сказать: «Привет! Не желаете укрыть подозреваемую в убийстве?»

Есть единственное место, в котором ей точно не зададут никаких вопросов.

⁷ Метадон – относительно легкий синтетический наркотик, применяемый в медицинских целях как средство заместительной терапии для лечения героиновой зависимости, позволяющее бороться с абстинентным синдромом.

И это ее собственный дом.

Глава 7

Дом непонятно на чем держится. Измызганная сине-белая полицейская лента хлопает на ветру.

Джесс останавливает «Рено» за белым грузовым фургоном и глушит мотор. Присматривается через боковое окошко с опущенным стеклом. Ей слышен шум проезжающих автомобилей в нескольких перекрестках от нее, но в остальном вокруг пусто. Время на цифровых часах в машине – семнадцать часов тридцать четыре минуты.

Зрелище разрушенного дома ужасает, но Джесс не может отвести взгляд. Переломанная масса черного и серого, крыша в левой части отсутствует – провалилась туда, где, как она знает, некогда находилась гостевая спальня. В которой спал Патрик. У нее вырывается всхлип, и она прячет лицо в ладонях, сотрясаясь всем телом. Если б не та ссора, они бы спали в одной постели. И он остался бы в живых.

То, что после случайного знакомства несколько лет назад Патрик положил на нее глаз, оказалось для нее полной неожиданностью, и Джесс даже еще больше удивило, когда он предложил ей выйти за него замуж. Она тогда считала себя совершенно непривлекательной. Слишком уж запутавшейся, слишком сломленной. Патрик оказался добрым, веселым, любящим мужем – и терпимо относился ко всем ее проблемам. Он просто хотел, чтобы ей стало лучше. Чтобы она стала нормальной.

Но теперь его нет. И ее дом разрушен.

Джесс открывает дверцу машины и стоит на пронизывающем холоде. Она понимает, что ничего не осталось, но что-то в ней так и тянет ее войти внутрь. Большинство окон по фасаду выбиты, в саду перед домом беспорядочная куча обломков, еще какие-то разномастные головешки аккуратно разложены под стенами – явно теми, кто расследовал поджог. Ей видно большую желто-белую наклейку на входной двери: «Вход воспрещен! Место преступления!»

И это все, что от него осталось? И это то, что сейчас представляет собой ее первый собственный дом, который они купили вместе с Патриком – на тот момент ужасающий образчик архитектуры семидесятых, любовно превращенный ими в уютное семейное гнездышко? Дом, в который они привезли свою новорожденную дочь, где та плакала по ночам, где сделала свои первые шаги?

Джесс сердито вытирает слезы, из-за которых все расплывается перед глазами. Нет смысла и дальше тут стоять. Она уже забирается обратно за руль, когда вдруг видит другой автомобиль, подъезжающий прямо к дому.

Это старомодный серый «Лендровер». Водитель выходит и прислоняется к дверце. Вспышка крошечного пламени зажигалки вдруг резко освещает его лицо, когда он наклоняется, чтобы прикурить сигарету. Джесс успевает лишь различить темные волосы и щетину. Это тот мужчина из больницы – Гриффин. Сначала там, теперь здесь... Это не просто совпадение; он явно интересуется тем, что с ней произошло. Но почему?

Джесс вспоминает его разговор с той женщиной-детективом за занавеской. Он не считает, что это ее рук дело. Интересно, думает она, откуда у него такая уверенность, тогда как та тетка была готова с ходу арестовать ее?

Прикончив сигарету, мужчина бросает окурочек на дорогу. Забирается обратно в свой «Лендровер», и Джесс заводит мотор машины Нава. Слышит, как взревел движок отъезжающего старого внедорожника, и следует за ним. Поначалу, через жилые кварталы, Гриффин едет не спеша, а потом прибавляет ходу, словно поняв, что она преследует его.

Его автомобиль быстрее, чем несчастный «Клио» Нава с моторчиком в один и два литра, но Джесс хорошо знает улицы в округе. Минут через двадцать быстрых поворотов направо и

налево Гриффин заезжает в какую-то промзону, и она следует за ним. Где-то в глубине головы Джесс сознает потенциальную опасность, но что еще можно сделать в подобной ситуации, ей в голову не приходит. Этот человек что-то знает.

Его машина сбавляет ход. Светофоры здесь практически не попадают; здания вокруг огромные и устрашающие. Наконец «Лендровер» сворачивает в переулок за гигантским, промышленного вида корпусом и резко тормозит. Джесс останавливает свою машину прямо позади него.

Открывается дверца, и Гриффин выбирается из-за руля, глядя прямо на нее. Сердце у Джесс пропускает удар, но он проходит мимо, а потом вдруг резко придвигает к задку «Клио» большой мусорный контейнер. Она оборачивается на сиденье, лихорадочно сознавая чудовищность ситуации, в которой оказалась. Она в ловушке. Ее автомобиль заперт между мусорным баком и «Лендровером». Джесс уже подумывает выбраться из-за руля и броситься бегом, но знает, что далеко ей не уйти. Только не в таком состоянии. Ее рука зависает над рычагом селектора коробки передач. Можно резко сдать назад, вложив всю массу и мощь маленькой машинки в этот бак – в надежде сдвинуть его с места. Можно попробовать, по крайней мере.

Но что-то ее останавливает.

Гриффин небрежно подходит к водительской двери и стучит в стекло, два раза: тук, тук. Замки дверей «Клио» заблокированы, внутрь ему не попасть, и секунду она просто таращится на него, ее широко раскрытые глаза встречаются с его глазами.

Он показывает ей, чтобы опустила стекло. Джесс слегка придавливает кнопку, приоткрывая его на щелку.

– Какого хрена ты смылась из больницы? – рычит Гриффин.

– А какого хрена ты забыл в моем доме? – огрызается она, стараясь придать своему голосу больше уверенности в себе, чем на самом деле чувствует.

Вновь начинает лить дождь. Крупные капли его косо летят в сиянии фар, разбиваются о ветровое стекло. Гриффин поднимает взгляд в небо, когда они попадают ему на волосы. Показывает на пассажирское сиденье, подняв воротник куртки.

– Впусти меня, – говорит он. Видит ее сомнения. – Да блин, ничего я тебе не сделаю; просто открой дверь, я замерз!

Джесс делает глубокий вдох. Она понимает, что мысль не из лучших, но что ей терять? Ни мужа, ни дома теперь нет. Полиция почти наверняка уже разыскивает ее. Ей не разрешили проведать дочь. С точки зрения рискованного поведения это не более чем очередное дерьмовое решение в длинной череде прочих.

Щелкает центральный замок. Гриффин обходит машину, распахивает пассажирскую дверь и влезает внутрь. От него пахнет мокрой псиной и табачным перегаром.

Качает головой.

– Ну не могли же они просто тебя отпустить!

– Они собирались меня арестовать...

– Так что ты решила попросту сбежать от полиции? – Гриффин насмешливо фыркает, саркастически добавив: – Умно.

– Я им не доверяю. А ты сам-то кто? – требовательно вопрошает Джесс. – Только не говори, что коп, поскольку я знаю, что это не так.

– Я и вправду детектив, просто не в данный момент, – отвечает он, и она замечает, как под челюстью у него заходили желваки. Гриффин собирается еще что-то сказать, но тут в кармане у него звонит мобильник, заставив умолкнуть на полуслове. Он вытаскивает его и бросает на нее сердитый взгляд перед тем, как ответить.

Изъясняется Гриффин односложно и в основном гмыканьем и бурканьем; его собеседника Джесс не слышит.

– Сейчас буду, – произносит он наконец, после чего поворачивается к ней. – Тебе нужно прекратить таскаться за мной.

– Скажи мне, почему тебе так интересно то, что случилось, и я от тебя отстану.

– Мне нужно ехать.

– Тогда я поеду с тобой, – объявляет она. Гриффин хранит молчание, так что Джесс продолжает: – Ты, похоже, единственный, кто не считает, что я убила собственного мужа, и я хочу знать почему.

Пусть даже он полицейский или когда-то был им, но что-то отличает его от тех копов, с которыми ей доводилось сталкиваться в прошлом. Тогда в больнице он внимательно слушал ее, верил ей, вступился за нее перед той теткой-детективом... Да и не выглядит он как коп. Это почему-то придает уверенности.

Гриффин вытаскивает из кармана куртки пачку сигарет, прикуривает. Разрешения не спрашивает. Джесс беспокоится насчет машины Нава и табачного запаха, а потом отбрасывает эту мысль. У Нава наверняка найдутся куда более серьезные поводы на нее злиться.

Гриффин по-прежнему не поднимает глаз; затягивается, нахмутив брови. Потом негромко чертыхается и вздыхает.

– Хорошо. Но тебе нужно бросить эту машину. Тебя ищут, а чтобы узнать, на чем ты уехала, много времени не потребуется. – Он замечает ее колебания. – Послушай, я делаю тебе предложение, так что либо да, либо нет. Если б я собирался что-нибудь с тобой сделать, то давно уже сделал бы. – Обводит рукой переулочек: – Камер здесь нет, и непохоже, чтобы ты смогла в случае чего от меня отбиться. Посмотри на свои габариты. Я придушил бы тебя за пару секунд.

Гриффин совершенно прав. Малый он крупный, с мускулистыми руками и мощными плечами. У нее не было бы ни шанса. Джесс даже не знает, обнадежил ли или испугал ее тот факт, что он уже успел придумать метод, как ее убить, но глушит мотор.

Гриффин выбирается из машины, бросает окурочек на асфальт и идет обратно к своему «Лендроверу». Она следует за ним, и он, наклонившись, распахивает для нее пассажирскую дверцу:

– Залезай.

Джесс забирается на сиденье и пристегивает ремень.

– Куда мы едем? – спрашивает она.

Гриффин качает головой.

– Хватит задавать вопросы, слишком много вопросов. Скоро сама увидишь.

Мотор «Лендровера», содрогнувшись, оживает, и они выкатывают из переулка.

Глава 8

Ему хотелось посмотреть на все своими глазами – ничто не сравнится с личным присутствием на месте преступления. Гриффин тогда стоял, глядя на сгоревший до основания дом, на осыпающиеся раскрошенные стены, на разбитые стекла, и думал: «Неужели ты побывал и здесь?»

Окажись он тут на сутки раньше, увидел бы он его? Знал бы теперь ответ на этот вопрос?

Но пожар – это нечто из совсем другой оперы... Он нахмурился, докуривая сигарету до фильтра, а потом бросил ее под ноги. Даже после всего этого времени никак не удается привести мысли в порядок. Нужно немного отдохнуть. Прекратить постоянно думать об этом.

А теперь еще и она здесь нарисовалась...

Каким-то образом ей удалось выбраться из больницы. Каким-то образом, несмотря на черепно-мозговую травму и возможное сотрясение, она укатила на чужой машине на ночь глядя, а теперь вот сидит на пассажирском сиденье его «Лендровера». Надо бы позвонить Тей-

лор. Надо хотя бы отвезти ее обратно в больницу. Но блин, он терпеть не может детектива-сержанта Тейлор, и никогда не терпел! Та цепляется за свое расследование, как какой-нибудь вонючий бюрократ за свое кресло, ни на шаг не отступая от самого очевидного подозреваемого. Никого при этом не видит и не слышит, достучаться до нее абсолютно нереально.

Ну а эта женщина, Джессика Амброуз? Выражение ее глаз ему знакомо. Эти растерянность, горе, страх – смешанные с упрямой решимостью. Он помнит, каково это и насколько в самом начале он сам нуждался в том, чтобы кто-то просто был рядом. В чем-то тихом присутствии, чтобы справиться с грызущим душу одиночеством.

С той оторванностью от всего вокруг, которую до сих пор чувствует.

Он так долго оставался совсем один!

Но при всем своем отчаянном стремлении поговорить – с ней, с кем угодно, с любым человеком, который готов слушать, – Гриффин ничего не говорит. Просто прикуривает очередную сигарету и сосредотачивается на дороге впереди.

Отчет о домашнем посещении представителя органов опеки и попечительства

Имя ребенка: Роберт Дэниел Кин (д. р. 31.03.1986, полных лет 9)

Братья и сестры: отсутствуют

Дата посещения: 25 января 1996 г.

Причина обращения: Постоянное отсутствие в школе, беспокойство о благополучии ребенка, выраженное классным руководителем.

По прибытии в семейный дом в Миллмур-уэй я официально представился Гэри Кину (отцу) и Маркусу Кину (дяде, живущему в семье брата). Дом представился мне неухоженным и грязным. Имелись свидетельства употребления алкоголя (пустые бутылки) и предположительно наркотиков (запах марихуаны) по всему домовладению.

Я поинтересовался, где находится мать Роберта; отец сообщил, что она ушла от него в феврале 1990 г., когда Роберту было три годика, и ни Роберт, ни Гэри Кин с тех пор ее не видели. Пока мы разговаривали, Роберт оставался в коридоре. Мы обсудили причины моего визита и продолжающееся отсутствие Роберта в школе: отец заявил, что мальчика регулярно травят одноклассники, отчего тот страдает тревожным расстройством, а также неопределенно упомянул о домашнем образовании, хотя не сумел развить эту мысль или предоставить какие-то доказательства тому, что домашнее образование в семье действительно имеет место.

Отец описал Роберта как в общем и целом здорового ребенка, который хорошо спит и ест, хотя имевшие место медосмотры в школе показывают, что Роберт отличается существенным недостатком веса (оценка 2 по центильной шкале⁸ сообразно его возрасту и росту). На левой стороне лба ребенка, прямо под волосами, имеется шрам. Отец отказался дать разрешение на доступ к медицинским картам Роберта.

При осмотре спальни Роберта я спросил, почему на кровати ребенка отсутствует постельное белье. Отец объяснил, что оно в стирке, поскольку ребенок регулярно мочится в постель.

Я попросил разрешения пообщаться с Робертом наедине, каковое после некоторых колебаний со стороны отца мне было предоставлено. Игрушек у Роберта совсем немного, и в их числе две изрядно потрепанные книги в твердом переплете, которые после долгих уговоров с моей стороны он согласился мне показать. Первая – это «Джеймс и чудо-персик»⁹, а вторая

⁸ Центильный метод оценки физического развития детей предусматривает 10 шкал с оценками от единицы до восьми баллов, составленных по признакам, характеризующим морфофункциональное состояние организма в соответствии с тем или иным возрастом: длина тела, вес, объем грудной клетки и т. д.

⁹ «Джеймс и чудо-персик» – детская книга британского писателя Р. Даля, написанная в 1961 г. Маленького мальчика после гибели родителей воспитывают две злые тетки, которые заставляют его работать круглыми сутками, не кормят и всячески

– достаточно сложный медицинский словарь. Я уверен, что обе книги библиотечные, хотя не могу это подтвердить. Я спросил, понимает ли он что-нибудь в словаре, и мальчик ответил, что нет, но ему нравятся картинки.

В школе заявили, что Роберт – смысленный ребенок, не по возрасту начитанный. Поначалу он вел себя тихо и робко, но начал понемногу открываться по ходу нашей беседы. На мой вопрос, есть ли у него какие-то друзья среди сверстников, Роберт отвечать отказался, а что касается взрослых, то непохоже, чтобы на его жизнь оказывали влияние еще какие-либо люди, помимо отца с дядей. В ходе нашей беседы он держал в руках блокнот, перетянутый резинкой. Ребенок не позволил мне заглянуть в его содержимое, а когда я стал настаивать, закричал «Нет!» и «Это мое, я не разрешаю вам лезть в мои личные дела!».

Под конец отведенного на посещение часа отец прервал наш разговор, заявив: «Вам пора, нам надо уходить».

Рекомендации: Домашнее окружение определенно ниже общепринятых стандартов касательно чистоты и гигиены, причем оба опекуна курят, а также регулярно используют в речи нецензурные слова-паразиты. По этой причине, а также по причине малого веса тела Роберта я уверен в том, что вряд ли он способен достигнуть разумных стандартов здоровья и физического развития без содействия местных властей. Таким образом, мне хотелось бы передать дело Роберта на межведомственное рассмотрение, с перспективой дальнейшей экспертной оценки специалистами управления полиции Хэмпшира и представителями «Ранней помощи»¹⁰. В дополнение рекомендую затребовать судебный ордер для получения доступа к медицинским картам Роберта, что может пролить некоторый свет на сложившуюся ситуацию. Из первоочередных мер необходимы беседа с директором школы на предмет прояснения обвинений в травле, чтобы Роберт мог как можно скорее вернуться к учебе, а также консультация школьного психолога.

В ходе дальнейшего расследования ребенок может оставаться в семье.

Глава 9

Они едут в ржавом «Лендровере» в полном молчании. То и дело Джесс бросает взгляды в сторону Гриффина, желая, чтобы тот заговорил, но не осмеливается открыть рот. Где-то через четверть часа езды он встречается с ней взглядом. Бурчит:

– Хватит на меня пялиться.

– Скажи, почему ты мне веришь? Та тетка-детектив в больнице говорила, что, по-твоему, тут есть некая связь с каким-то другим делом...

Гриффин бросает в ее сторону колючий взгляд:

– Так ты все слышала?

– Скажи мне!

Он колеблется, а потом сворачивает с дороги. Заруливает на какую-то темную колею и останавливает машину. Вырубает мотор. Джесс смотрит в боковое окошко и в наступившей тишине вдруг осознает, насколько далеко она от всех и вся и какая она дура. Гриффин наклоняется к ней, и ее рука уже хватается за внутреннюю ручку дверцы – скорее бежать! – но он тянется к коврику перед задним сиденьем и вытаскивает оттуда черный рюкзак. Джесс тяжело дышит, и он замечает, что она уже собралась сделать. Пренебрежительно косится на нее.

– Да елки-палки! – бормочет он. Опять примолкает. – Ты что, вообще по жизни дерганая?

унижают. Но однажды он оказывается внутри огромного волшебного персика, знакомится с живущими в нем гигантскими насекомыми и отправляется вместе с ними в путешествие, чтобы найти настоящих друзей и осуществить заветные мечты.

¹⁰ «Ранняя помощь» (англ. Early Help) – государственная программа социальной поддержки детей из малоимущих и неблагополучных семей в Великобритании. Штатные сотрудники «Ранней помощи» осуществляют в основном координационные функции, подключая при необходимости различные государственные и общественные службы и организации.

Джесс бросает взгляд на рюкзак. Что у него там может быть? Мертвое животное? Отрубленные пальцы?

– Не знаю, – нервно отвечает она.

Гриффин секунду сердито смотрит на нее, а потом открывает верх рюкзака.

– Все это началось два года тому назад, – говорит он. Вытаскивает из рюкзака потрепанную картонную папку, кладет себе на колени, открывает. Другой рукой включает плафон освещения салона. – Меня вызвали на место преступления – изнасилования и удушения женщины, которую явно связывали и пытали перед тем, как убить. – Гриффин перебирает в руках стопку листов, в которых Джесс узнает полицейские фото с места преступления, и передает ей одну. Она ахает. Видит залитую режущим светом бледную кожу, темные синяки. Лицо с закрытыми глазами. – Двадцать один год, официантка из одного местного кафе. Ее звали Лиза Кершоу.

Джесс смотрит еще раз. Тело обнажено, на шее, запястьях и лодыжках ясно видны следы от веревки.

– Так ты и вправду детектив? – спрашивает она.

– Был, – мрачно отзывается Гриффин. И быстро продолжает: – Потом нашли еще два тела.

Передает ей новые фото. Еще две женщины. Голые. Мертвые. При их виде Джесс передергивает.

– Дарья Кэпшоу и Сара Джекмен. Изнасилованы, подвергнуты пыткам, задушены.

Говорит он так, будто снимает камень с груди – слова, которые давно не произносились, изливаются потоком. Поворачивается и смотрит на нее.

– Всего трое. Явно серийный убийца.

– Я не слышала ничего такого в новостях, – говорит потрясенная Джесс. – Как так вышло?

– Мой шеф волновался, как бы огласка не стала рекламой убийцы, не подстегнула его. Так что мы действовали по-тихому. Но тут подвалили еще преступления из категории особо тяжких. Два изнасилования, сопряженные с незаконным проникновением в жилище, длинные и жестокие. Поначалу мы не подумали, что тут может быть связь.

– А она была?

Гриффин кивает.

– Обе жертвы что-то слышали в своих домах незадолго до нападений – похоже, что к ним кто-то проникал заранее, чтобы разведать обстановку. На клумбах были обнаружены отпечатки подошв с рисунком в виде звездочек – как выяснилось, давно снятых с производства адидасовских кроссовок, – и точно такие же следы нашлись возле тела Сары Джекмен. Но это было странно. Убийцы обычно не деградируют, что касается тяжести совершенных преступлений. Начинают с изнасилований, а потом начинают убивать, когда обретут уверенность в себе. Но не скатываются назад. Так что мы подумали, не было ли еще каких-то убийств, на которые мы в свое время не обратили внимания.

Джесс откидывается на спинку сиденья. Это ей снится – все это перечисление случаев смерти и насилия? Но как это может быть связано с ней?

Гриффин достает еще фотографии; лицо у него мрачное.

– Вот еще два, тот же почерк – изнасилованы и задушены. – Зернистые, темные фото, тела даже трудно различить. – Несколько лет назад. Но в двух разных графствах, так что никто не углядел связи. Не раскрыты.

– И что в итоге?

– Мы объединили их в одно производство, создали межведомственную спецгруппу. Но ничего не нашли. И все опять затихло. Вот до этих двоих.

Он опять тычет пальцем.

– Эмили Джонсон и Изабель Ричардс. Обе – сексуальные работницы, как сейчас принято выражаться. Оглушены ударом по голове – эксперты считают, что молотком, – после чего зарезаны.

– Тут все по-другому, – говорит Джесс.

– Да, по-другому. Но в Англии целое множество нераскрытых насильственных преступлений. Особенно если учесть, что большинство убийств совершается теми, кто был знаком с жертвами... – Гриффин задумчиво смотрит на нее. Она начинает поеживаться в остывающей машине и обхватывает себя руками за плечи, но он вроде этого не замечает.

– Потом год назад еще одно вторжение в дом, – медленно продолжает Гриффин. – Семейной пары. Им угрожали пистолетом, светили фонариком прямо в лица. Их разделяют, связывают. Женщину неоднократно насилюют. Несколько часов.

Гриффин не повышает голоса, говорит медленно, взвешивая слова.

– Мужа жестоко избили и оглушили ударом полена. Когда он очнулся, его жена была уже мертва. Забита до смерти тем же самым способом; руки у нее были связаны шнуром от занавески.

Гриффин ненадолго примолкает, и Джесс видит, как на челюсти у него ходят желваки. Ясно, что эти нераскрытые преступления дорого ему обошлись.

– Если бы мы поймали этого типа до того, как... – Гриффин опять умолкает, и Джесс остается лишь представить, какое чувство вины он испытывает, зная, что его служебным долгом было не допустить подобной трагедии.

Гриффин набирает полную грудь воздуха, потом смотрит на нее.

– Но тут след опять остывает.

– И с тех пор ничего? – недоверчиво спрашивает Джесс. – Целый год ничего подобного?

Гриффин качает головой:

– Ничего, пока мне вчера вечером не позвонили – один погибший при пожаре частного дома. Подозрение на поджог. Подозрение на убийство.

В желудке у нее закручивается тугой узел. Это про ее дом. Про ее мужа. Ее начинает мутить. Джесс знает, что это не она устроила пожар, но до сих пор предполагала, что это просто роковая случайность. Какой-нибудь подросток на спор подпалил дверь первого попавшегося дома, и ситуация вышла из-под контроля. Или из мести, если их с кем-то спутали... Хотя в этих случаях пожар вряд ли бы смог так быстро распространиться.

– Сомневаюсь, что тут есть какая-то связь, – запинаясь, произносит Джесс.

Гриффин вытаскивает из кармана куртки телефон, прокручивает что-то на экране и сует ей под нос фотографию. Она машинально отдергивается, но на сей раз фотка совершенно невинная – женская сережка в виде полумесяца, зеленые и голубые искорки на серебре.

– Это твоя?

Джесс мотает головой.

– Точно?

Она смотрит еще раз.

– Да, точно. – И примолкает. Не хватает духу спросить.

– Это нашли прямо за вашей входной дверью.

Джесс открывает и тут же закрывает рот. Гриффин смотрит на нее.

– Эта висюлька принадлежала последней жертве изнасилования. Я уверен, что ее намеренно туда подбросили.

– Но зачем?

– А вот этого я не знаю.

Он протягивает руку под руль и опять заводит мотор. И тут до нее доходит, про что был тот телефонный звонок.

– Еще один случай? – спрашивает она. – Мы едем на место преступления?

– Я, но не ты. Ты останешься в машине, – бросает Гриффин.
И, не дожидаясь согласия, газует, и они вновь оказываются на дороге.

* * *

Шоссе превращается в автомагистраль с разделительной полосой, а потом в городок. Джесс по-прежнему держит в руках фотографии и еще раз просматривает их на ходу – в свете улетающих назад уличных фонарей перед глазами мелькают страшные образы. Смерть. Разрушение. Убийство. Какое это может иметь отношение к ней?

Страх берет свое, и она опять не может удержаться от слез. Кто мог желать смерти ее семье? Что в них было такого, чтобы нацелиться именно на них? Работа у Патрика скучная, сидячая, а она сама всего лишь обычная домохозяйка...

Джесс совершенно сбита с толку. Она прочла больше книг, просмотрела больше телевизионных программ на эту тему, чем может сейчас сосчитать – преступления века, раскрытые и нераскрытые, серийные убийцы и насильники, криминалистика, криминальная психология, – но прямо сейчас толку от этого ни на грош. Хотя все, что она только что услышала от Гриффина, могло быть запросто скопировано со страниц одного из интернет-сайтов, посвященных реальным преступлениям, где доморощенные расследователи пытаются преуспеть в том, в чем так и не преуспела полиция.

И ее собственная голова представляет сейчас проблему: если двинуть ею чуть побыстрее, сразу мутит. Ясно, что там что-то не в порядке. Но сейчас не время беспокоиться на этот счет.

Меньше чем сутки назад она находилась у себя дома, с дочерью и мужем. А теперь, замерзшая и промокшая, сидит в потрепанном «Лендровере» с человеком, про которого ровным счетом ничего не знает, – и едет к месту еще одного убийства.

Джесс никогда не видела мертвецов – по крайней мере, в реальной жизни. Но все равно упорно цепляется за этого человека, будто у него есть некое решение для того ада, которым теперь стало все ее существование.

* * *

Едут около часа, пока Гриффин не притормаживает на какой-то пригородной улочке. Симпатичный райончик – большие дома, косящие под ар-деко, ограды с воротами, на широких подъездных дорожках – «Дискавери» да «Эвоки»¹¹. Джесс смотрит на своего спутника: он внимательно присматривается через ветровое стекло, явно отыскивая кого-то. Открывает дверцу, как только какой-то мужчина подходит к ним по обочине. Этот человек постарше, с лысой головой, круглым животом и угрюмым выражением на лице.

Гриффин опять бросает взгляд на Джесс.

– Сиди здесь. – Видит, что она собирается что-то возразить. – И никаких разговоров. Сиди, я сказал!

Выбирается из-за руля и встает перед подошедшим мужчиной, который сердито смотрит на него. Они достаточно близко, так что Джесс все равно слышит их разговор.

– Пора уже это прекращать, – шипит мужчина. – Ты что, по гроб жизни мне будешь тот единственный косяк припоминать?

– Когда все закончится, Алан, вот тогда и прекращу.

Мужчина смотрит на Джесс сквозь ветровое стекло «Лендровера».

¹¹ В данном случае имеется в виду не еще одна модель «Лендровера» (Range Rover Evoque) в дополнение к Discovery, а английский седан бизнес-класса Holden Commodore Evoke, он же Opel Insignia.

– Она останется здесь, – говорит Гриффин, адресуясь скорее к ней, чем к своему собеседнику.

Оба быстро уходят по обочине. Джесс некоторое время наблюдает за ними, а потом открывает дверцу и движется следом. В жопу Гриффина! Ей нужно самой все увидеть – убедиться, что все это и впрямь происходит в действительности. Это *ее* жизнь, *ее* кошмарный сон!

Когда Гриффин и его спутник останавливаются возле большого белого фургона, она быстро прячется за одним из припаркованных на дороге автомобилей. Издалека ей видно синеватую ленту, трепещущую в темноте.

– Ну что тут у нас? – слышит она голос Гриффина.

Алан наклоняется в проем между открытыми задними дверями фургона и передает Гриффину что-то белое. Джесс наблюдает, как тот облачается в защитный комбинезон, после чего оба мужчины уходят. Дождается, пока они не отойдут на достаточное расстояние, а потом подбегает к фургону и тоже влезает в такой же костюм – огромный, мягкий, липнущий к телу, натягивает поверх кроссовок бахилы, а на руки – голубые перчатки.

– Натуральная бойня, – слышит она слова Алана, пока крадется вслед за ними. – Все в кровище.

– Думаешь, это он? – спрашивает Гриффин, и Алан кивает.

– Давненько я такого не видывал. Судмедэксперта еще ждем, но все и так понятно. Из особо тяжких недавно были, уже уехали. Ничего особо не сказали.

Джесс наблюдает, как они надевают маски на лица, а потом накидывают на головы капюшоны. Следует их примеру. Во всей этой амуниции она вдруг чувствует себя в безопасности – совершенно неотличимой от других людей, запрудивших дорогу.

Ширкая штанинами из тонкой синтетики, они идут в сторону дома и останавливаются возле полицейского ограждения. Дежурный смотрит, как Алан подныривает под ленту и расписывается в ярко-синем журнале, после чего оборачивается и взмахом руки подзывает Гриффина.

– Он уже зарегистрировался, – слышит Джесс бормотание Алана, и оба быстро идут к дому.

Джесс ждет. Подумывает, не назваться ли каким-нибудь вымышленным именем – в надежде, что дежурный не потребует предъявить документы, – когда за спиной у нее возникает большая толпа шумно переговаривающихся между собой криминалистов в одинаковых белых комбинезонах. Она внедряется в самую середину однородной группы, пока они перешучиваются с охранником, по очереди расписываясь в журнале.

После этого тот взмахом руки приглашает всех проходить, и вот она уже внутри.

Это настоящий особняк, с длинной подъездной дорожкой, ведущей к парадному входу. Джесс видит свет, падающий из открытой входной двери, и суесящихся возле нее оперативников – кто входит, кто выходит. Лужайка усеяна маленькими угольниками из желтого пластика с написанными на них цифрами; то и дело мигают всполохи фотовспышки. В темноте все это выглядит какой-то фантазмагорией, и Джесс чувствует, как по спине у нее бежит холодок. Слева от них стоит автомобиль – водительская дверца распахнута, кто-то склоняется над сиденьем. Прибавив шагу, она уже почти догоняет Гриффина, когда Алан показывает рукой на машину:

– Первый вон там. Парнишка, восемнадцать лет. Застрелен. Стреляли несколько раз, хотя и практически в упор. И еще ножом добавили. Пока еще непонятно, в каком порядке.

Джесс не может отвести взгляд от автомобиля, представляя, что там может твориться внутри. Но тут чувствует у себя на плече чью-то крепкую руку. Поднимает глаза и видит перед собой взбешенный взгляд Гриффина.

– Какого хера? Я же сказал оставаться в машине!

– Я с тобой. Я – часть всего этого.

– Знаешь что...

– Знаю.

Он сверлит ее взглядом. Улавливает непокорное выражение ее глаз над защитной маской, почти полностью закрывающей лицо.

– Ладно, – буркает наконец Гриффин, пусть даже Джесс ясно, что это совсем не так. Но она понимает: ее спутник не может позволить ей устроить сцену и привлечь всеобщее внимание к тому факту, что вообще-то им обоим не положено тут находиться.

Остановились они у входа в большой белый шатер, поставленный справа от дома. Алан, который наблюдал за их перепалкой, теперь злобно поглядывает на обоих.

– Насчет нее мы не договаривались! – шипит он Гриффину.

– Договоренность у нас сам знаешь какая. – Гриффин нависает над ним – он явно крупнее и сильнее толстяка. – Ты тогда здорово обосрался, и если б не это... – Он качает головой. – Просто делай, что я говорю, и когда все это закончится, ты меня больше не увидишь.

Алан несколько секунд выдерживает взгляд Гриффина, а потом опускает глаза, пятится от него. Устало приподнимает полог шатра, и Гриффин занывает внутрь. Когда Джесс проходит мимо Алана, Гриффин опять хватается за руку.

– Ты точно хочешь это увидеть? – спрашивает он, и она кивает.

Но ничто не способно подготовить ее к тому, что ждет внутри.

Тело – женское, насколько может судить Джесс, – лежит прямо на земле. На него нацелены несколько переносных прожекторов на треногах, и в их ярком свете выражение на лице женщины кажется какой-то жуткой гримасой. Куда ни кинь взгляд – повсюду кровь. Белая ночная рубашка женщины, порванная в клочья, вся пропиталась ею. Трава вокруг заляпана красным. Джесс чувствует головокружение и сознает, что перестала дышать. Заставляет себя втягивать воздух маленькими глотками.

– Тело мы, естественно, не трогали, – говорит тем временем Алан. – Но, скорее всего, смерть наступила вследствие многочисленных проникающих ранений, предположительно ножевых. Навскидку я бы сказал, что ее пырнули как минимум раз тридцать.

– Причем куда ни попадя, – бормочет Гриффин, и Алан кивает.

– И это еще не все.

Чуть дальше – второе тело. Лицо обезображено до полной неузнаваемости, но по волосам и одежде Джесс может предположить, что это мужчина.

– Многочисленные тупые травмы головы, плюс вроде как еще и ножевые раны, хотя не исключено, что и огнестрельные – соседи сообщали, что слышали выстрелы, – бормочет Алан. – Похоже, он пытался убежать. Бедолага...

Долго они тут не задерживаются. Алан выводит их обратно во тьму. Показывает на дом.

Они поднимаются по широким каменным ступенькам. Входят в прихожую. Дом просто невероятный. Глаза Джесс постепенно привыкают к яркому свету, и она может различить загибающийся винтом лестничный пролет, каменные полы, фотографии улыбающейся пары на стене.

Разложенные криминалистами пластиковые подкладки, на которые можно наступать, скользят по мрамору – пол уделан кровью и грязью с улицы. Алан на ходу тычет в комки грязи рукой.

– Группа быстрого реагирования насвинячила, – бурчит он. – Теперь пригодных для опознания следов нам не видать.

Коридор приводит к двойным деревянным дверям, оставленным приоткрытыми. Алан затаенным в перчатку пальцем открывает их пошире, и Джесс останавливается как вкопанная.

Гостиная располагается в двухсветной пристройке, дождь начинает стучать в световые окна в крыше. Джесс видно, что не так давно это была со вкусом и довольно минималистично обставленная комната в бежевых и кремовых тонах, но в данный момент здесь царит полней-

ший хаос. Кофейный столик перевернут, диван сдвинут вбок, в беспорядке и все остальные предметы мебелировки.

И практически на всех поверхностях – кровь. Кровавые брызги на стенах. Бурые мазки и потеки на кремовой обивке кресел. Огромная красная лужа расплзлась прямо посреди комнаты, где кучей лежат мертвые тела.

Запах какой-то чужой и тревожный. Кислый и металлический, он застревает прямо в ноздрах. Даже в маске Джесс почти что чувствует его на вкус, и в горле перехватывает – она быстро подносит руку ко рту.

Тел два. В самом центре комнаты расчищено свободное пространство, и они лежат там практически друг на друге, мокрые и окровавленные. Джесс замечает белый шнур, свисающий с потолочной балки у них над головами и обернутый вокруг шеи обоих трупов. Руки у одного из них связаны.

– А они... Их... – начинает было Джесс, показывая на шнур, но Алан мотает головой.

– Мы их так и нашли. И никаких явно выраженных странгуляционных борозд у них на шеях, так что о повешении речь не идет.

Похоже, это мужчина и женщина. И похоже, что... Джесс подступает чуть ближе, чтобы получше приглядеться. Гриффин вытягивает руку, чтобы остановить ее.

– А она... – начинает Джесс. Едва может заставить себя произнести это.

Гриффин медленно кивает, прищурив глаза.

Руки женщины тоже связаны за спиной, тело все в крови. Она неуклюже завалилась вперед, но Джесс все равно различает ее выпирающий живот.

Она была беременна.

У Джесс начинает кружиться голова, к горлу подступает тошнота. Она ощущает собственное горячее дыхание под защитной маской. Вся эта кровь, вся эта зверская природа нападения – это одно, но связывать и убивать беременную женщину... Это варварство. Безумие. Она припоминает, что чувствовала, когда была беременна Элис. Джесс тогда пошла бы на что угодно, только чтобы защитить свое не родившееся еще дитя. Господи, что же творилось в голове у этой женщины в тот момент? Умоляла ли она, просила ли пощадить ребенка? Джесс смаргивает с глаз слезы и отворачивается от мертвых тел.

– Могло быть и хуже, – говорит Алан, и Джесс быстро переводит на него взгляд. «Это как?» – думает она. Как именно это могло быть хуже?

Алан тем временем продолжает:

– Вчера вечером здесь могли оказаться еще двое гостей, но они в последний момент передумали. Заглянули сегодня днем принести извинения и нашли тела на лужайке. И еще один малый, лет девятнадцати, оставался у бабушки во флигеле.

– Выходит, есть свидетель? – спрашивает Гриффин, но Алан мотает головой.

– Пьяный в сопли. Отсыпался. Сказал, что ни фиги не слышал.

– А флаг тут зачем?

Диван прямо за мертвой женщиной укрыт огромным американским флагом. Ярким, цветастым. Джесс кажется, что он положен здесь намеренно – ткань тщательно расправлена, края выровнены, как по нитке. Это единственная вещь во всей комнате, на которой нет ни капли крови.

Алан смотрит на него.

– Пока точно не знаем. Есть пара версий...

Но прежде чем они успевают спросить, вдруг слышат за спиной какую-то суматоху. Люди расступаются по сторонам, когда в комнате появляется еще одна фигура в белом комбинезоне. Выглядит этот человек в точности как и все остальные, но явно пользуется авторитетом на месте преступления. Гриффин оттаскивает Джесс назад.

– Кто-нибудь их трогал? – кричит вошедший.

– Не, никто, – отвечает Алан.

Мужчина удовлетворенно кивает и присаживается рядом с трупами на корточки. Плечи его опадают, когда он видит женщину. Джесс слышит, как он приглушенно чертыхается.

Гриффин похлопывает ее по плечу и показывает рукой на выход. Она идет вслед за ним. И, едва только они оказываются за пределами гостиной, чувствует, что ее тянут за рукав – ее останавливает Алан.

Толстяк смотрит, как Гриффин выходит из дома, а потом поворачивается к Джесс.

– Послушайте, – говорит он. – Я понятия не имею, кто вы такая или что тут делаете. Но вот что я вам скажу: не позволяйте ему втягивать себя в эту его высокую миссию. Нат уже так глубоко увяз, что уже и не представляет, где верх, где низ. Я тону вместе с ним – и в этом столь же моя вина, как и его, – но вы вроде в таких делах человек новый. Не позволяйте ему забрать все, что у вас еще осталось.

Джесс хмурится.

– Да у меня и так уж довольно много чего забрали, – отзывается она и сразу же движется дальше.

Выйдя из дома, она не видит ничего, кроме крови. Кровавых отпечатков ладоней. Мазков и потеков. Фотограф снимает очередную улику на наружной стороне входной двери, и та притягивает ее взгляд. Там что-то написано. Ярко-красные размашистые росчерки, и она может лишь предположить, что это тоже кровь.

Джесс замирает на месте и неотрывно смотрит на эту надпись.

На слово «СВИНЬЯ», большими буквами намалеванное на двери.

Глава 10

Джесс догоняет Гриффина возле «Лендровера». Он злобно стаскивает с себя белый комбинезон, разрывая его в процессе, собирает в ком. Забрасывает на заднее сиденье машины, а потом забирается за руль. Она следует его примеру и садится рядом с ним, на секунду прикрыв глаза и облегченно вздохнув. Перед глазами опять все плывет. Физическая нагрузка сказалась на голове не лучшим образом.

Гриффин заводит мотор, и они в молчании отъезжают. Он не смотрит в ее сторону. Совершенно ясно, что он ею недоволен.

От всего виденного голова у нее идет кругом. Стоящая перед глазами картина кажется полным безумием – это невероятное количество крови, ножевых ран, этот флаг... Джесс не понимает, как все это хоть как-то может быть связано с ней, с поджогом в ее доме. Смерть Патрика ничем не похожа на то, что она только что видела.

Мысли так и гудят в голове. Море крови. Беременная женщина. Джесс всегда думала, что у убийц есть какие-то предпочтения, какой-то излюбленный метод убийства. Зачем в один и тот же день устраивать пожар и тут же убивать пятерых людей в их собственном доме ножом, веревкой и пулями?

Гриффин раскручивает мотор до максимальных оборотов; на каждом повороте Джесс резко кидает в сторону, и она изо всех сил цепляется за поручень над дверью. Бросает взгляд на спидометр – стрелка показывает шестьдесят, а потом семьдесят миль в час¹². Он выпускает свое бешенство на дороге, и она не может его в этом винить.

Джесс и понятия не имеет, куда они едут, пока «Лендровер» не останавливается возле какого-то приземистого строения – то ли автосервиса, то ли дешевого автосалона, торгующего подержанными автомобилями. На площадке по соседству – зачуханные «Форды Фиесты» и десятилетние «Воксхоллы». Не дожидаясь ее, Гриффин выскакивает из-за руля, распаивает

¹² 60 и 70 миль в час – 97 и 113 км/ч.

боковую дверь строения и громко топает по металлической лестнице вниз в полуподвал. Она спешит за ним, но прежде чем успевает войти, слышит какой-то звук. Как будто что-то разбили и осколки со звоном разлетелись по полу.

Джесс опасливо открывает дверь.

В полуподвальной квартирке всего одна большая комната; за дверью слева, судя по всему, – ванная с туалетом. Голые кирпичные стены, деревянные полы, но есть несколько ковров и мягкий диван. У дальней стены – простенькая кухонька, справа от нее – двуспальная кровать. В углу свалена большая куча разномастных гантелей.

Гриффин уже опрокинул один из стульев; у самого входа о стену разбита бутылка пива, темная жидкость стекает по кирпичам. Он ревет и молотит костяшками судорожно сжатых пальцев в стену перед собой, а потом стучит по кирпичам вздетым вверх кулаком. Безостановочно кричит, и она бросается к нему, повисает у него на руке, пытаясь остановить.

Он резко оборачивается – кулак практически нацелен ей в голову. Джесс чувствует, как напряжены его мускулы, какая сила скрывается в его руках. Вцепившись в него, она может лишь кое-как держаться на ногах, чтобы не быть отброшенной на пол. Лицо его перекошено от гнева.

Гриффин смотрит прямо на нее. В глазах у него – полная пустота. Ни узнавания, ни чего-то хотя бы отдаленно человеческого. Только чистый гнев. Он напирает, прижимая ее к стене, загоняя в угол. Другой рукой хватается за запястье – Джесс чувствует, как его пальцы впиваются ей в плоть, – и она отпускает его руку. Ее тело переполняет адреналин, но на сей раз не от страха. Это нечто другое. Это некий прилив энергии. Она в таком же гневе, как и он. Вот уже обе ее руки в крепком захвате, вздернуты вверх по бокам от головы. Она чувствует спиной и затылком грубые кирпичи. Пытается из всех сил оттолкнуть его, но он не дает ей двинуться, его лицо в каких-то дюймах от ее собственного.

Джесс тяжело дышит, чувствует, как бешено колотится его сердце. Смотрит ему прямо в глаза, но все, что видит сейчас перед собой, – это кровь. Дыры в мертвых телах, сочащиеся красным. Это неродившееся дитя, *неродившееся дитя*...

И тут ее рот крепко прижимается к его рту. Без всякого изыска – просто клацнувшие друг о друга зубы, его щетина у нее на коже, его язык у нее во рту. Гриффин отвечает на поцелуй, его руки лезут ей под одежду. Они кажутся ледяными на ее теплой коже, и она делает то же самое с ним – запускает руку ему под рубашку. Тело у него крепкое, грубое, и Джесс хочет его – просто чтобы почувствовать что-то, хоть что-нибудь, чтобы выбросить все эти мысли из головы.

Страхивает с ног кроссовки, чувствует, как его руки стягивают с нее спортивные штаны вместе с трусами. Его зубы ударяются о ее губу, и на миг она чувствует вкус крови. Одна его рука сползает по бедру, другая...

Джесс резко втягивает воздух. О господи! Резко прижимается к нему, чувствует его губы у себя на шее, на ключицах. Стаскивает с него рубашку, потом возится с ремнем и джинсами, все еще ощущая внутри себя его пальцы – дразнящие, отвлекающие от всего на свете...

Но тут Гриффин вдруг резко останавливается. Отдергивается от нее, и они встречаются взглядами.

Что-то изменилось. Он мотает головой, все еще задыхаясь, отступает на шаг.

– Нет. Нет, нам нельзя... – бормочет Гриффин, обращаясь чуть ли не к полу. Отворачивается, подтягивает джинсы, потом подхватывает рубашку и пачку сигарет со стола и быстро выходит из квартиры.

Джесс смотрит, как закрывается дверь. Стоит, прислонившись к стене, не в силах двинуться с места. Ей это нравилось, она хотела этого! Чтобы почувствовать хоть что-то, помимо этой бездонной отчужденности от реального мира.

Но что-то его остановило. Джесс опять натягивает спортивные штаны, прежде чем рухнуть на кровать. Смотрит в потолок. Думает, что должна бы испытывать чувство вины, стыд, да что угодно – за то, что поступила так чуть ли не сразу после смерти Патрика, – но не ощущает ничего, кроме обиды на то, что он ее отверг. «Вот какая я дрянь, – думает она. – Вот почему он меня не трахнул. Даже такие мужчины, как этот Гриффин, не хотят меня!»

Дверь открывается, и в потоке холодного воздуха в комнату опять входит хозяин квартиры. Смотрит на нее.

– Джессика... – начинает он, но она резко перебивает его:

– Просто Джесс. И я сейчас не хочу с тобой разговаривать.

Гриффин кивает.

– Меня это вполне устраивает.

Он пристраивается рядом с ней на кровати, снимает через голову рубашку и ложится на бок, отвернувшись от нее. Натягивает на себя одеяло. На левой руке у него что-то поблескивает, и Джесс впервые замечает обручальное кольцо. Так вот что его остановило... Но тогда почему же он живет здесь?

Она не может сейчас об этом думать. Вдруг наваливается жуткая усталость, и Джесс опускает голову на подушку. Хоть Гриффин ее и отшил, но вроде как он не против того, что она лежит в кровати рядом с ним, и она этому рада.

– Гриффин? – тихонько зовет Джесс, и он что-то неразборчиво буркает. – А как тебя зовут?

Он поворачивается к ней лицом, хмурится.

– В каком это смысле?

– Тот человек называл тебя Нат.

Лежащий рядом с ней мужчина опять отворачивается.

– Да, Нат. Натаниэл Гриффин, – говорит он, голос его приглушен подушкой. – Но очень немногие меня так сейчас называют. Пусть будет просто Гриффин.

Джесс прислушивается к его дыханию. Теперь оно замедлилось, размеренные вдохи и выдохи едва слышны. Она закрывает глаза. В голове опять мелькают страшные образы. Кровь. Мертвая беременная женщина. Ее разрушенный дом.

Подумай о чем-нибудь другом, говорит себе Джесс, крепко зажмуривая глаза. Подумай о чем-нибудь хорошем.

Подумай об Элис.

При мысли о том, что сейчас они не вместе, становится трудно дышать. Но Элис жива. «Она в безопасности, – повторяет себе она, – с моими родителями и с Навом».

И с мыслями о дочери в голове, лежа рядом с практически незнакомым ей человеком в незнакомой квартире, Джесс медленно проваливается в глубокий сон без всяких сновидений.

Глава 11

Ему нравится низкое пульсирующее «бум, бум!» басовой партии – такое громкое, что резонирует прямо у него в диафрагме. Вспышки прожекторов, легкое головокружение от стопочек, наспех опрокинутых у стойки... Он танцует, воздев над собой руки, в облаке запаха пота – от него и от остальных мужчин в клубе. На секунду прикрывает глаза, чувствуя на себе другие тела. Гладкую кожу, твердые мускулы.

Ощущает руку у себя на плече. Мягкую, ласковую.

– Не видел тебя тут раньше! – кричит какой-то парень, стараясь перекрыть музыку. Он встречается с ним глазами; видит в них интерес.

– Я тут первый раз, – откликается он.

– Да ну? – Парень многозначительно улыбается. – Не хочешь по этому поводу что-нибудь предпринять?

Он смотрит на него. Тот выглядит совсем юным – наверное, нет еще и двадцати. Но его уверенность в себе выглядит привлекательно; этот клуб – явно то место, в котором этот красавчик в своей тесной футболке и джинсах в обlipку чувствует себя как дома.

Он кивает, и парень опять улыбается, после чего хватает его за руку и увлекает его с танцпола в сторону туалетов. Он сопротивляется, и парень оборачивается, с любопытством глядя на него.

– Не здесь! – кричит он ему. – Давай возьмем такси и поедem ко мне!

Парень склоняет голову набок, делано надув губы. Потом ухмыляется.

– Надеюсь, у тебя там найдется что-нибудь, что будет стоить моего времени!

– Ну уж ром с колой у меня точно найдется, – отзывается он с легкой улыбкой. – Тебя как зовут?

– Стив, – отзывается тот. – А тебя?

Но он уже отворачивается, и парень послушно следует за ним. Имя застряло в голове.

«Стивен, – думает он. – То, что надо».

Да, в точности то, что надо.

День третий Среда

Глава 12

Джесс просыпается, когда в комнату начинается пробиваться дневной свет. На миг она сбита с толку, но тут сознает, где она, и поворачивается к Гриффину.

Тот по-прежнему лежит на животе, отвернувшись от нее. Одежда ночью сползла, и она смотрит на него в тусклом свете, разглядывая мускулистые плечи, глубокую ложбинку на спине. Видит путаницу бледных розоватых росчерков, сбегающих с нижней части позвоночника под джинсы. Шрамы, похоже, недавние, и Джесс гадает, как он их мог получить.

Вспоминает про свои собственные руки и ноги. Про белые линии, которыми исчеркана сморщившаяся вокруг них кожа. В основном они идут параллельно друг другу – некоторые старые, другие относительно свежие. Жутковатая картина. Она понимает, что Гриффин наверняка их заметил, хотя ничего по этому поводу и не сказал.

И что, черт возьми, это за место? Нахмурившись, Джесс слезает с кровати. К утру квартира простыла, и она хватается первую же вещь, попавшуюся ей под руку, – натягивает на себя джемпер Гриффина. Тот пахнет сигаретами и его кожей. Это сразу вызывает в памяти вчерашний вечер, и что-то вновь шевелится в ней. Но она знает: то, что случилось – а вернее, не случилось, – не было чем-то романтическим. Просто оба пытались выпустить скопившееся напряжение и гнев, не более того. Джесс выбрасывает это событие из головы.

В центре комнаты – длинный деревянный стол, и, зябко обхватив себя за плечи, она подходит к нему. По столу раскиданы какие-то бумаги и газетные вырезки, и Джесс прочитывает несколько заголовков. Все они сообщают об убийствах. Некоторые строчки подчеркнуты, кое-где на полях наспех нацарапаны комментарии. Некоторые из документов похожи на распечатки из какой-то компьютерной системы или базы данных. Даты, имена, описания...

Но больше всего к ее вниманию вызывает стена слева от двери. В самом центре ее – огромная белая доска, почти сплошь увешанная фотографиями и газетными вырезками. На первый взгляд разбросаны они совершенно беспорядочно, в промежутках – почти нечитаемые каракули черным маркером. Джесс встает перед ней.

Пристальной присматривается к фотографиям. На части из них просто какие-то места и люди – улыбающиеся лица, но остальные – это фото мертвецов. Некоторых из них она уже видела вчера вечером, остальные совершенно ей незнакомы. Серые тела, изломанные и перекрученные... Отсутствующие конечности, широко раскрытые глаза, слепо уставившиеся в никуда... Кровь, изорванная плоть, ободранная кожа... Желудок у Джесс выворачивается наизнанку, но она не может отвести взгляд, крепко схваченная этим выставленным напоказ кошмаром.

И тут она вспоминает. Трупы в доме и на участке. Выпирающий живот беременной женщины. С ребенком, который теперь неподвижен внутри. Кровь.

Прежде чем Джесс успевает остановить себя, эти образы вихрем проносятся у нее в голове. Так много крови... Кровь повсюду, забрызганы и заляпаны пол, стены, мебель. Перед глазами всплывает надпись на входной двери, размашисто нарисованная чем-то красным. «СВИНЬЯ». Джесс замирает. Надпись кажется странно знакомой. Это послание полиции или упоминание о ком-то еще?¹³ Может, о неверном любовнике?

¹³ «Свиньи» – одно из самых старых оскорбительных прозвищ полицейских в Британии.

Нахмурившись, Джесс не сводит глаз с доски. Что-то в природе недавних убийств не дает ей покоя. То, что она уже вроде видела раньше. Пятеро убитых, одна из жертв – на последних сроках беременности... И слово «СВИНЬЯ», написанное кровью на стене рядом с ними.

У нее пресекается дыхание.

– Гриффин! – кричит Джесс, не отрывая взгляда от доски. Он ворочается на кровати, присматривается к ней мутными глазами.

Она начинает передвигать фото на доске, снимая некоторые из них и бросая прямо на пол. Это заставляет Гриффина выбраться из постели – он встает, натягивает футболку и присоединяется к ней. Смотрит, как Джесс продолжает быстро передвигать фотографии.

– Что ты делаешь? – спрашивает он.

Она показывает на фото на столе:

– Передай мне вон ту и еще вон те две.

Гриффин машинально подчиняется, и Джесс прилепляет их рядом друг с другом к стене.

Через секунду она останавливается и отступает на шаг, глядя на них с расстояния. Показывает на стену, а потом поворачивается к Гриффину. Лицо его еще опухшее со сна, и она замечает, что при каждом движении он морщится.

– Ну и что ты там такого увидела? – спрашивает Гриффин.

Джесс показывает на несколько фото на самом верху – имена изображенных на них женщин подписаны снизу черным маркером.

– Лиза Кершоу, Дарья Кэпшоу и Сара Джекмен. Всех изнасиловали, пытали и задушили.

Гриффин кивает. Вытаскивает из рюкзака упаковку таблеток, выдавливает одну из блистера, а потом вдруг замирает и присматривается. Она выжидает, пока он бросает таблетки в рот и проглатывает их насухую, а потом показывает на следующую группу фотографий с портретом молодой женщины посередине:

– Оглушена ударом молотка по голове, потом заколота ножом.

– Что ты этим хочешь сказать? – медленно произносит Гриффин.

– Два очень характерных способа убийства, – отвечает Джесс. – Дай-ка мне свой телефон.

Гриффин снимает блокировку и передает ей мобильник. Заглядывает Джесс через плечо, когда она вводит какие-то слова в поисковую строку. А потом резко выпрямляется, переводя взгляд с доски обратно на телефон, который все еще в руках у Джесс.

Она указывает на одну из групп фотографий:

– Где были совершены эти убийства?

– Оба в Лидсе, – начинает Гриффин. – Изабель Ричардс – в парке Раундхей...

– То есть в Йоркшире, – перебивает его Джесс. Смотрит на Гриффина. – И обе проститутки.

У того отвисает челюсть.

– Сатклифф...¹⁴ – медленно произносит Гриффин. – Так что вот эти... – начинает он, показывая на первую группу фотографий.

– Хиллсайдский душитель¹⁵, – заканчивает за него Джесс.

Гриффин мотает головой.

– Это может быть просто совпадение, – говорит он, обращаясь почти что к самому себе. – А как насчет вчерашнего? Там все опять совсем по-другому.

Лицо у Джесс мрачнеет.

– Беременная женщина? Пять жестоких убийств в шикарном частном доме?

¹⁴ Питер Сатклифф (1946–2020) – британский серийный убийца, известный как «Йоркширский потрошитель». За 5 лет лишил жизни 13 женщин, арестован практически случайно, за незначительное правонарушение.

¹⁵ «Хиллсайдские душители», или «Душители с холмов» – прозвище, данное СМИ серийным убийцам, двоюродным братьям Кеннету Бьянки и Анджело Буоно, терроризировавшим Лос-Анджелес в 1977–1978 гг. Используя полицейскую форму, они похищали, насиловали и убивали девушек и женщин в возрасте от 14 до 28 лет.

- Мать твою... – бормочет Гриффин.
- Мэнсон¹⁶, – уверенно объявляет Джесс.

Это открытие заставляет Гриффина отступить на шаг. Лицо у него серое. Он явно потрясен, почти что в шоке.

– Все это характерный почерк различных серийных убийц, – произносит Гриффин, высказав вслух то, что у нее на уме.

Джесс медленно кивает.

- Причем знаменитых. Этот больной ублюдок просто их копирует, – шепчет она.

Лист первичного приема

Отделение неотложной помощи

Дата/время: 23.08.90 13:30

Дежурный врач: д-р Эванс

Пациент: Роберт Дэниел Кин, д. р. 31.03.86, полных лет 4.

Причина обращения: бытовая травма.

Анамнез: отец сообщает о падении с лестницы ранее в день обращения, с высоты прим. 14 ступ. на плиточн. пол. Никаких предшествующих симптомов, сообщается о кратковременной потере сознания, жалобах на тошноту х2, спутанность сознания. Наличие эпилепсии и посткистального¹⁷ состояния отрицает.

Результирующая деформация правого запястья, неутихающие боли в правой нижней конечности.

Предыдущие заболевания и травмы: участие в ДТП полугодовой давности (со слов отца), без обращения за мед. помощью.

Сведения о ранее принимаемых лекарствах и аллергических реакциях: сведения отсутствуют, отец ответить затруднился (прививки?), аллергии со слов нет.

Заключение:

- а). Падение с лестницы.
- б). ЧМТ?
- в). Перелом прав. дистального радиуса 2° в результате падения на вытянутую руку??
- г). Ушиб мягких тканей правой нижней конечности??
- д). Умышленно нанесенная травма??

Рекомендации:

1. КТ головного мозга по поводу ЧМТ (?)
2. Наблюдение в педиатр. травм. отд. до результатов КТ.
3. Рентг. исследование правой верхней и правой нижней конечностей.
4. Поставить в известность органы защиты детей, учитывая УМТ (?)
5. Консультация педиатра.

Дата/время: 23.08.90 15:00

¹⁶ Чарльз Мэнсон (1934–2017) – американский преступник, создатель и руководитель деструктивной секты «Семья», члены которой в 1969 г., подчиняясь его приказам, совершили ряд жестоких убийств, в том числе беременной жены кино-режиссера Романа Полански – актрисы Шэрон Тейт. Был приговорен к смертной казни, впоследствии замененной на девять пожизненных сроков.

¹⁷ Посткистальное состояние – состояние больного эпилепсией в течение примерно двух часов после приступа, характеризующееся слабостью, головокружением, потерей ориентации, затрудненной речью и пр.

Дежурный врач: д-р Эванс

Уточненная информация:

КТ: фронтальная эпидуральная гематома и поверхностный линейный перелом черепа.

Рентгенография правого плеча: перелом прав. дистального радиуса без смещения.

Рентгенография правой нижней конечности: серьезных повреждений костных тканей не наблюдается, есть свидетельства давнего перелома тибиального плато б/б кости.

Вниманию консультирующего педиатра: отец объясняет старый перелом участием в ДТП в младенческом возрасте.

Рекомендации:

1. Перевод в педиатрическое отд.
2. Продолжить наблюдение в течение след. суток.
3. Педиатру составить обращение в органы защиты детей.

Глава 13

Сегодня на месте преступления потише. В лесу лишь патрульные констебли в форме, оставленные для охраны, возле «Форда» копошится всего пара-тройка фигур в белом. На сей раз Кара одна, Дикин отказался присоединиться к ней. Она не стала спорить – прекрасно понимала, по какой причине.

Еще на подъезде Кара видит ожидающую ее Либби. Затянутая в белый защитный костюм, Либби Робертс широко улыбается, когда Кара выбирается из машины. Капюшон у нее опущен, и ее длинные ярко-розовые волосы нелепо сияют на фоне серых деревьев.

Либби известна как один из лучших специалистов в области анализа следов крови, и Кара была очень довольна, узнав, что на месте преступления будет работать именно она. Получить ее мнение из первых рук просто бесценно. Кара знала, что та обязательно разберется во всем этом хаосе.

– Кофе? – спрашивает она, передавая Либби маленький бумажный стаканчик эспresso, получив взамен белый защитный комбинезон. Либби выпивает кофе, пока Кара облачается в него, и бросает пустой стаканчик на коврик Кариной машины.

Кара просто ненавидит эти обязательные для работы на месте преступления костюмы. Они никогда нормально не сидят по фигуре, в них постоянно потеешь, даже в такую холодрыгу, а маска устроена так, что ей вечно кажется, будто она в ней сейчас задохнется. Но причина также и в том, с чем именно у нее ассоциируется этот наряд – со смертью, кровью и ужасом от того, что вот-вот откроется перед глазами.

Обе натягивают перчатки, бахилы и маски, поднимают капюшоны. Кара вслед за Либби пролезает под ленту ограждения.

– Бедные девчонки, – бормочет Либби. Они останавливаются рядом с автомобилем, и Либби показывает на темно-коричневые пятна в траве. – Кровь и явные следы волочения. То, что я и ожидала увидеть в случае перетаскивания тела с заднего сиденья в багажник.

– Тела? – переспрашивает Кара. – Только одного?

Либби отводит ее к задней части машины.

– Точно сказать нельзя, но мы взяли отовсюду мазки, так что скоро поймем, какая кровь тут чья. Хотя если ты меня вынудишь... – говорит она, и Кара кивает, – то по этой конфигура-

ции пятен и брызг я бы сказала, что жертва номер один была убита на заднем сиденье, а потом перетащена к задней части машины, в то время как жертву номер два убили прямо на месте, в багажнике. Видишь вот эту лужу и этот промежуток в ней?

Она показывает на свободное от крови пространство в темно-красном пятне.

– Здесь и лежало ее тело. Отпечаток тела аккуратненький, с ровными краями, так что я могу заключить, что ее не перемещали после того, как отсекали голову. А говоря об обезглавливании...

Либби указывает на две глубокие зарубки в бампере и лужу крови на земле.

– Мое предположение, что головы отсекали вот здесь. – Она изображает рубящее движение ладонью. – В обоих случаях сильный заключительный удар, который пробил шейные позвонки, задел бампер машины.

– Есть какие-то мысли, чем именно это проделывалось? – спрашивает Кара, и Либби хмурится.

– Чем-то вроде мясницкого тесака... Найди нечто подобное, и мы сможем сравнить. Поехали дальше, – продолжает Либби. – Наличие брызг крови на потолке и поднятой двери багажного отсека указывает на то, что как минимум одна из находящихся в нем жертв на момент нанесения ударов была еще жива. Понимаешь?

Кара кривится.

– Кровь могла попасть туда с ножа при повторяющихся ударах в уже поврежденную область тела.

Они опять возвращаются к заднему сиденью – Кара следует за Либби, не произнося ни слова. Все это для нее уж слишком, почти недоступно пониманию.

– Видишь – такие же лужи крови, такие же брызги на потолке, но более разбросанные, поскольку жертва пыталась сопротивляться и убежать.

Либби показывает на кровавые потеки на боковом стекле, на смазанные красные следы вокруг дверной ручки. Кара не может удержаться, чтобы не представить себе последние секунды девушки, отчаянно пытающейся вырваться на свободу. И мысли той, что слышала из багажника, как убивают ее подругу, и уже знала, что ее ждет.

Либби показывает на еще одну темно-красную дугу.

– А вот это, – говорит она, – предположительно артериальная кровь. Судя по всему, из предсмертной раны на шее жертвы или какого-то другого места, где есть крупная артерия. Отчет со вскрытия еще не прислали?

Кара мотает головой.

– Сегодня получим, я надеюсь.

Либби обходит машину к другой задней двери и открывает ее. Привлекает внимание Кары к густой россыпи мелких пятнышек крови на задней стороне спинки водительского сиденья – некоторые капли стекли вниз, некоторые похожи на колечки с пустотами внутри.

– А это похоже на кровь из органов дыхания – видишь эти воздушные пузырьки внутри капель? И эти ниточки, где к крови примешалась слюна? Могу предположить, что жертва закашлялась, получив удар ножом в грудь.

Глаза Либби прищурены.

– Бедные девчонки, – повторяет она. Делает глубокий вдох. – Плюс есть кровавые отпечатки пальцев по всей машине – некоторые смазанные, а некоторые с рисунком ткани.

– От перчаток?

– Не исключено. Давай надеяться на то, что в какой-то момент он задел себя ножом и мы получим образец его крови.

Кара смотрит на положение водительского сиденья. Это довольно большая машина, но сзади очень мало пространства для ног – кресло сдвинуто назад практически до упора. Причем угол наклона зеркала заднего вида полностью соответствует такому положению сиденья.

– Что думаешь на этот счет? – спрашивает Кара, показывая на него Либби.

– Мы тоже обратили внимание. Сдвинули явно не после убийства. Видишь эту цепочку капель? – Она слегка отстраняется, чтобы Каре было лучше видно. – Где кровь жертвы стекала на коврик по задней стороне спинки?

Кара кивает.

– Так что, может, для него это нормальное положение сиденья?

– Не исключено. Мы уже сделали несколько замеров. Расчетный рост где-то от ста семи-десяти восьми до ста девяноста четырех.

Они отходят от машины. За оградительной лентой снимают защитные комбинезоны, свертывают их в комок.

Без обычных для места преступления профессиональных доспехов Либби оказывается весьма привлекательной молодой женщиной в тесных черных джинсах и черном джемпере, с густой подводкой глаз и длинными ресницами, выгодно оттеняющими ее светло-голубые глаза. Она снимает белые перчатки, открывая сверкающие ногти, выкрашенные серебристым лаком.

– Получишь мой официальный отчет через двое суток, – говорит Либби. Потом пристально присматривается к Каре. – Ты как вообще?

– Нормально.

– Нормально? Ты руководишь расследованием зверского двойного убийства, одного из самых страшных, какие я только видела, и все у тебя нормально?

Кара пожимает плечами.

– Как видишь... Кстати, не передумала еще выпить вечером?

– Разумеется, нет. А Дикс? Он тоже будет?

– Нет, он занят. – Кара ухмыляется. – Хочешь повторить прошлое представление?

– А что тут такого? – Либби улыбается в ответ. – Выходит, он так ни с кем и не встречается?

– Свободен как ветер.

– Ну я так далеко не загадываю, – говорит Либби, заключая Кару в прощальные объятия. – С Ноем никогда не бывает просто.

* * *

На обратном пути в машине Кара наслаждается относительным спокойствием, но стоит ей переступить порог отдела, как все моментально летит под откос. В дверях ее поджидает детектив-сержант Тейлор. Кара выдавливает улыбку.

– Гриффин опять путался у меня под ногами, – объявляет Тейлор, воздержавшись от любого рода приветствий. – Я подумала, вам стоит знать.

Кара манит ее к стене коридора, вне пределов слышимости остальных копов.

– В каком это смысле «путался под ногами»?

– Пытался допрашивать мою подозреваемую в поджоге для начала! – рявкает Тейлор. – Каким-то образом пролез туда первым, выставил меня полной дурой!

«Но ты сама облегчила ему задачу», – думает Кара, хотя вслух этого не произносит.

Ей уже доводилось работать с детективом-сержантом Тейлор. Та скоро на суждения, слишком уж скоро, по мнению Кары, и они с ней уже не раз цапались по этому поводу. Но сейчас не время заводить врагов.

– Он как-то помешал вашему расследованию? – спрашивает она.

– Нет, но... – Тейлор кривится. У Кары возникает такое чувство, будто всего та ей не говорит. – Это я веду это дело, и мы знаем, кто это сделал. У нас есть неопровержимые технические улики, которые привязывают жену к орудию убийства, плюс она уже не в первый раз замечена в склонности к насилию. Просто держите Гриффина подальше от меня.

– Спасибо, что поставили в известность, – приветливо говорит Кара. – Если на этом у вас все...

– Я уже переговорила со старшим детективом-суперинтендантом, – перебивает Тейлор, а потом разворачивается и решительно уходит по коридору.

– Блин, – бормочет про себя Кара. Тут и без Гриффина забот хватает...

И тут ей в голову приходит одна мысль.

У себя в кабинете она входит в информационную систему полиции. Ну да, точно: согласно временной отметке, последний раз ее логин и пароль использовались прошлым вечером, в двадцать три часа сорок пять минут. Кара грызет ноготь, уставившись в экран. Да, надо было уже давно поменять пароль, но так, по крайней мере, она может присматривать за тем, чем он занимается.

В штабе расследования за дверью ее кабинета кипит работа, все детективы при деле. Последние сутки опергруппа трудилась буквально на износ, понимая, что возможность раскрыть двойное убийство по горячим следам становится все более призрачной.

Дикин просовывает голову в дверь.

– Ну как все прошло с Либби? – интересуется он. Прислонившись к дверному косяку, внимательно выслушивает ее рассказ о том, к каким предварительным выводам пришла эксперт по следам крови.

– Так что это не Рик Бейкер, он не выше ста семидесяти, – замечает он, когда Кара рассказывает ему про положение водительского сиденья «Форда Гэлакси».

– Я тоже так подумала. А Либби про тебя спрашивала, – добавляет Кара. – Не хочешь к нам вечером присоединиться?

Ной бросает на нее саркастический взгляд.

– Это дело у нас уже пройденное. Сама прекрасно знаешь.

– Я живу надеждой...

– Пришел отчет со вскрытия, – говорит Дикин, меняя тему. Входит, садится рядом с ней за письменный стол, наклоняется к компьютеру и открывает отчет, выложенный в архивную систему. Они молча читают его, пробираясь сквозь запутанный медицинский жаргон и пытаясь понять, что происходило в последние секунды жизни обеих девушек.

Доктор Росс пишет о предварительных надрезах на шее. О рубящем ударе широким острым лезвием, иссекшем трапециевидную мышцу и целый набор нервов и кровеносных сосудов, названия которых Кара даже не может правильно произнести. О разрубе позвоночного столба между третьим и четвертым позвонками.

Упоминает о наличии петехиальной сыпи в глазах и на лице, повреждениях гортани и верхнего рога щитовидного хряща. Ушибах переднего и боковых отделов шеи, нелинейных ссадинах от ногтей в районе подбородка, согласующихся с тем фактом, что руки жертв были скованы. Кара понимает, что имеются в виду обычные царапины, вызванные тем, что жертвы пытались оторвать от шеи душащие их пальцы. Она смотрит на Ноя.

– Это он о чем? Их что, еще и душили?

– Похоже на то, – бормочет тот.

Кара вновь поворачивается к экрану. К отчету приложены фото: темные кровоподтеки на запястьях, сломанные ногти. Кара представляет себе, как бедная девчонка сдирает себе кожу до мяса, царапает обивку багажника, пытаясь освободиться, в то время как ее подругу убивают на заднем сиденье...

Заставляет себя читать дальше. Прижизненные колющие ножевые раны, с указанием точного количества, нанесенные одним и тем же орудием. По предположению экспертов – клинком с односторонней заточкой размером с небольшой кухонный нож.

Причина смерти: удушение в сочетании со значительной кровопотерей от многочисленных проникающих ранений, скорее всего, ножевых. Головы отсечены посмертно.

Кара делает глубокий вдох и медленно выдыхает.

– Из лаборатории пока ничего? – спрашивает она наконец.

Ной качает головой.

– С образцами крови пока работают, – говорит он, продолжая читать. – Плюс взяли еще соскобы из-под ногтей и НРР.

«Набор раннего распознавания». Стандартные пробы, которые берут при подозрении на изнасилование.

– Но Росс вроде не увидел никаких признаков сексуального насилия?

– Да, причем у обеих.

Кара откидывается в кресле. Как и при любом расследовании, именно на нее возложена ответственность за принятие решений, на чем сосредоточить усилия группы. Как толковать обнаруженные улики и что делать дальше. Она уже привыкла к этому, но с этими двумя убитыми девчушками, с этим уровнем насилия ей кажется, что подобная задача может оказаться ей не по плечу.

Звонит телефон. Кара отвечает на звонок, потом включает громкую связь.

– Тут еще детектив-сержант Дикин, – предупреждает она, когда по кабинету разносится зычный голос доктора Росса.

– Все прочли? – спрашивает он.

– Да, – отзывается Кара. – Задушены и зарезаны.

Ее удивляет, что он позвонил. Судебных медиков, а особенно Росса, обычно не вдохновляет перспектива дальнейших расспросов со стороны детективов.

– Не эту часть, – довольно резко говорит он. – Там, где про обезглавливание.

Кара бросает взгляд на Дикина, потом опять на отчет. Не совсем понимает, что он имеет в виду. Им слышно, как Росс на другом конце линии раздраженно кряхтит.

– Разрубы, – проявляется в трубке его голос. – Они острые, точные. Никаких отметин от пробных ударов, которые можно ожидать на теле с такого рода посмертными повреждениями. Отрезать человеку голову далеко не просто. Если не принимать во внимание психологическую сторону, есть и чисто практические сложности. Мышцы шеи очень плотные. Позвонки соединяются прочными связками.

Росс примолкает, и комнате наполняет лишь шипение телефона.

– Поняли, что я только что сказал?

Кара смотрит на Ноя. Глаза у него недоуменные, выжидающие.

– Детективы! – продолжает Росс. – Эти головы отрубил тот, кто хорошо знает свое дело. – Пауза. – Как бы мне ни не хотелось это говорить, но вашему убийце уже доводилось проделывать нечто подобное раньше.

Глава 14

Гриффин в ожидании ерзает на парковой скамейке. Докуривает сигарету, подумывает прикурить еще одну, но останавливается. Непонятно, появится ли она вообще. Смотрит на поспешно собранные документы в руке. То, что они предполагают, это полнейшее безумие, но... Ясно, что Джесс совершенно права.

Гриффин оставил ее в своей квартире. Кажется странным, что эта женщина вдруг столь решительно вторглась в его жизнь. Но есть в ней что-то, отличающее ее от остальных, – в ней совершенно нет опаски, той отстраненности, которые он обычно видит в других людях. Непохоже, что Джесс пытается его судить, – наверное, как раз поэтому с ней так легко.

Наконец он замечает Кару, торопливо идущую по тропинке, – голова опущена, куртка треплется на ветру. Она тоже видит его, и какое-то выражение пробегает по ее лицу, прежде

чем она успевает его спрятать. Гриффин знает, о чем она сейчас думает. Что лучше бы оказаться где угодно, но только не здесь.

Кара подходит к скамейке и встает перед ним, загородив свет. Ему не видно ее лица, ее тело – не более чем темный силуэт.

– Что тебе надо? – спрашивает она.

– Присядь, – говорит он.

После секундного колебания Кара делает то, что он просит. Гриффин передает ей папку.

– Это еще что?

– Просто выслушай меня.

Она вздыхает.

– Гриффин, я не знаю, чем ты занимаешься, но это уже пора прекращать. Детективы жалуются мне, что ты допрашиваешь их подозреваемых, болтаешься возле больницы... И ты до сих пор используешь мой логин. При таком раскладе ты втянешь меня в очень серьезные неприятности.

– Кара! – Он поворачивается к ней лицом. – Послушай минутку. В этой папке – информация по серии убийств, совершенных по всей стране. Ими занимались разные управления, во всех разный почерк, так что никто не заметил связи.

– Какой еще связи? – Кара открывает папку, начинает листать.

– Убийца копирует почерк различных серийных убийц.

Рука ее замирает в воздухе.

– Что-что?

– Взгляни на детали. Вот эти убийства заимствованы у Сатклиффа. А вот эти – у Хиллсайдского душителя. Ну а массовое убийство в Дорсете в ночь на вторник? Тебе оно ничего не напоминает?

Он смотрит ей в лицо, изучая хорошо знакомые черты и пытаясь понять, сумел ли достучаться до нее. Кара рассматривает фото: надпись, намалеванная кровью на стене, беременная женщина...

– Гриффин, для одной недели я достаточно насмотрелась на убитых женщин, спасибо тебе большое.

Он удивленно смотрит на нее:

– Каких еще убитых женщин?

– Двух студенток, которых зарезали и задушили, а их обезглавленные тела бросили в автомобиле на окраине леса в Кранборне.

– Обезглавленные? Почему я ничего не слышал? Как так вышло?

– Мы намеренно держим это в тайне от прессы. А информацию в системе обновили буквально только что. – Она произносит это негромко, почти про себя. Потом качает головой. – Это уже переходит все границы, Гриффин. Пожалуйста, остановись. Я не могу до бесконечности тебя прикрывать.

Смотрит на него. Он видит, что Кара буквально вне себя.

– Хорошо, Нат?

Гриффин кивает. Но тут же опять показывает на папку:

– Ты поймешь, что мы правы. И приглядишься как следует к этому своему двойному убийству. Готов поспорить, что там та же схема.

– Но это ведь тоже произошло в ночь на вторник! И что ты хочешь сказать? Что этот тип весь вечер раскатывал по всему графству, убивая людей направо и налево, и никто ничего не заметил?

Гриффин умолкает и задумывается. Она права. Многовато для одного человека. Но все же...

Она постукивает пальцем по папке.

– И если эта схема настолько очевидна, то почему все это только сейчас выплыло? Почему ты раньше этого не заметил?

Это хороший вопрос, и Гриффин сам задавал его себе множество раз с того момента, как Джесс показала ему связь. Но он никогда не был фанатом телепрограмм про реальные преступления – когда в твоей работе и без того хватает смерти и разрушения, зачем искать их в свободное время? – и весь последний год его голова была настолько одурманена, что он даже едва вспоминал про необходимость поесть.

Гриффин припоминает замечания Алана на месте преступления. Может, они уже тоже просекли параллель и имитация Мэнсона теперь одна из их версий? Но они с Джесс пробыли там недостаточно долго, чтобы это выяснить.

Однако эту мысль он держит при себе. Вместо этого говорит:

– Множество разных региональных управлений полиции, различный почерк, отсутствие обмена информацией... Сама знаешь, как это бывает. Все настолько перегружены, настолько заиклены на деталях, что ни у кого нет времени отступить на шаг и немного подумать. – Смотрит на нее. – Просто пообещай мне, что прочтешь все это.

– Ладно, договорились. Но если я не соглашусь с тобой, ты остановишься?

Он крепко поджимает губы. Потом кивает.

Кара уже сдвигается вперед, к самому краю скамейки.

– И сходи проведи маму, очень прошу.

– Кара...

– Очень прошу. Я сделаю это для тебя только при одном условии: ты пойдешь и повидаться с ней. Она волнуется за тебя. Скучает по тебе.

Гриффин делает глубокий вдох, чувствуя, что напрягся всем телом.

– Она вечно все забывает, – тихо произносит он. – И всегда спрашивает про Миа.

Кара поворачивается и мягко берет его за руку. Смотрит на него долгим взглядом, перебирая его пальцы.

– Я так сожалею насчет того... что произошло, – произносит она наконец. – Мне тоже от этого паршиво. А мама... Да, она забывает про детей, забывает про Ру. Считает, что я по-прежнему глупенькая двадцатилетняя девчонка, которая якшается с неподходящими парнями. Но я все равно езжу с ней повидаться, каждую неделю. – Кара смотрит на него. – Тебе нужна помощь. Позволь мне помочь тебе.

Гриффин выдергивает руку и лезет в карман за сигаретой. Прикуривает ее дрожащими пальцами.

– Ты плохо выглядишь, Нат, – продолжает Кара. – Я скучаю по тебе. Скучаю по своему младшему братцу.

Гриффин встает.

– Ладно – съезжу, проведу. Просто прочитай все это, прошу тебя.

А потом отворачивается от нее, глубоко затягивается сигаретой и уходит. Он знал, что встреча с Карой пройдет тяжело, но, кроме нее, его мало кто выслушал бы. И он тоже скучает по ней. Скучает по ежедневным встречам с ней на работе. Скучает по профессиональным спорам за обеденным столом, по ее мужу, который только закатывал глаза, когда они начинали обмениваться ядовитыми подколками. Скучает по племяннице и племяннику.

Но Гриффин знает, что сейчас не в том состоянии, чтобы нормально общаться с людьми.

Он быстро шагает прочь, зная, что Кара все еще смотрит ему вслед. Но не позволяет себе обернуться.

Глава 15

Он в полном восторге. Гость лежит перед ним на диване, на спине, совершенно неподвижный. Рубашка снята, и ему видно, как слегка вздымается и опадает грудь парня. Глаза у того закрыты – он беспробудно спит, одурманенный снотворными таблетками.

Этот момент нравится ему больше всего. Предвкушение, знание того, что он вот-вот сделает. В эту секунду все в его власти. Он их хозяин – всех этих людей, – и как только они мертвы, то окончательно становятся его собственностью. Становятся частью его самого.

Впервые он испытал это восхитительное чувство в девять лет, совсем еще тогда юный и неопытный. И теперь вот ощущает в точности то же самое. Медленно ложится на диван, кладет голову на голую грудь парня, прижимается к ней щекой. Слышит медленное биение сердца, ощущает, как легкие наполняются воздухом. «Стивен», – думает он. И улыбается.

Сейчас все совсем по-другому – кругом тишина и спокойствие. Он припоминает, как визжала та женщина в понедельник вечером. Опять видит перед собой ту беременную шлюху, которая умоляла не убивать ее, а он все втыкал и втыкал в нее нож, раз за разом; вспоминает мужчин, которые скулили, как щенки, пытаясь отползти от него. Ощущение липкой крови у себя на лице, пропитавшей одежду, согревающей кожу.

Такое ему как раз по вкусу. Чаше всего. Но это?.. Это тоже неплохо. Даже приятно.

Однако все, пора.

Он приподнимается на диване, а потом перелезает на спящего парня, усевшись ему на живот и зажав его между коленями. Аккуратно обхватывает его руками за шею, сцепив между собой большие пальцы. Наклоняется вперед, всем своим весом наваливаясь на руки. Начинает сжимать.

Чувствует, как подаются хрящи, слышит щелчок сломанной подъязычной кости. Лицо перед ним меняет цвет, краснеет. Он наблюдает, как густой багровый цвет приобретает синюшный оттенок, свидетельствуя о развивающейся гипоксии. Тянутся минуты. Из приоткрытого рта парня сбегает розоватая струйка – кровь вперемешку со слюной.

Он не отпускает его горло дольше необходимого, уже чувствуя, как руки начинают дрожать от напряжения. Просто наслаждается моментом.

А потом убирает руки, выпрямляет спину. Опять прижимается щекой к груди парня. Стук сердца больше не слышен, грудная клетка совершенно неподвижна. Он знает, что тело очень скоро начнет остывать, и хочется побыть рядом еще хоть немного, но уже пора.

Он встает, оставив труп на диване. Пусть пока там полежит. Надо еще кое-что сделать, прежде чем все будет окончательно готово.

Глава 16

Гриффин толкает дверь своей квартиры. Собирается уже окликнуть Джесс, но тут останавливается, осознав, что никого там нет. Она пропала.

На душе – странное чувство. Сегодняшняя встреча с Карой что-то взбаламутила в нем. Пробудила воспоминания о его прошлой жизни. Весь прошлый год он провел исключительно наедине с самим собой, но вот такое простое событие, как вечер в компании другого человека, – и ему уже нестерпимо оставаться в одиночестве.

Гриффин бросает взгляд на циферблат на запястье – его не было два часа. Интересно, думает он, где же сейчас Джесс. Прежде чем уйти, он оставил ей свой телефонный номер на клочке бумаги, но у нее нет мобильного, и теперь с ней никак не связаться.

Припоминается прошлый вечер. Не лучшим образом все вышло, это уж точно. Не стоило целовать ее, а потом отталкивать. В тот момент он действительно хотел ее и понял, что она

тоже его хотела, но что-то вдруг показалось неправильным и неуместным. Совсем не по таким причинам люди занимаются сексом.

Ее муж только что погиб. Но кто решил, что лучший способ продолжать жить после смерти близкого человека – это тихо и чинно горевать? Может, как раз он и был тем, в чем она нуждалась в тот момент? Может, они были всего лишь двумя одинокими людьми, пытавшимися найти друг друга единственным способом, какой только знали?

Мысль об одиночестве теперь кажется немного странной. С того момента, как она оказалась здесь, он стал чувствовать себя совсем по-другому. Потому что появился кто-то, с кем можно было разделить свою ношу, наверное. Потому что кто-то слушал его, верил ему и вдобавок обнаружил связь, до которой он сам оказался неспособен додуматься.

Гриффин подходит к плите, ставит чайник. Чувствует знакомую боль и осторожно покачивает телом с боку на бок, морщится. Ничего хорошего. Тянется к выдвижному ящичку возле плиты, вытаскивает из него плоскую коробочку – последнюю упаковку лекарства, выдавливает из блистера две капсулы, кладет их в рот, проглатывает. Чувствует, как они медленно продвигаются по горлу, и тянется за стаканом. Наливает в него воды, залпом опрокидывает. Было бы быстрее наклониться над раковиной и подставить рот прямо под кран, но даже такое простое действие невыполнимо, пока капсулы не сделают свое дело.

Препарат заканчивается, и это его напрягает. Он мысленно подсчитывает, на сколько ему еще хватит. Выходит, что всего на четыре дня – может, на пять, если экономить.

Налив себе кружку кофе, Гриффин усаживается за стол.

Совершенно ясно, что Кара не восприняла его всерьез. За последний год его сестре пришлось привыкнуть и не к таким сюрпризам со стороны своего младшего братца.

Поначалу Кара проявила понимание. С тем, что он сам не свой от горя, предположим, она еще могла смириться, но вся эта его заиканность на поисках неизвестно кого, регулярное нарушение правил на работе... Прикрывала его, сколько могла, а когда его отстранили, почти сразу с этим согласилась.

«Тебе нужно ненадолго прерваться, – сказала тогда Кара. А потом, вдогонку: – Попробуй обратиться за профессиональной помощью!»

Гриффин знает, что она будет на него сегодня злиться. Но при этом надеется, что, может, ее инстинкты детектива все-таки сработают и она остановится на секундочку. Кара – хороший коп, и она любопытна.

Но и он тоже. И теперь Гриффин размышляет об убийствах, про которые она упомянула. Залезает в систему, используя ее учетную запись, – дав себе клятву, что это в последний раз. Смотрит сведения по делу – отчеты экспертов-криминалистов, описание машины, жертв, преступного почерка... Открывает «Википедию», находит основную статью про серийных убийц, шарит глазами по строчкам.

Читает, читает... Время летит незаметно. Наконец находит то, что заставляет его остановиться. Отправляет Каре эсэмэску, а затем бросает взгляд на время. Джесс отсутствует уже почти четыре часа.

Опять входит в систему, вводит в поисковую строку имя и фамилию Джесс. Ее досье по-прежнему здесь, и сообщается, что она все еще в розыске. Но это ровным счетом ничего не значит, ее вполне уже могли задержать. Иногда проходят часы, прежде чем такую информацию соизволят обновить.

Гриффин вздыхает, раздраженный сам на себя. Что беспокоится за какую-то женщину, с которой только что познакомился. Что это на него нашло? Однако нечего сидеть тут сиднем и переживать. Надо что-то делать.

Хотя он уже знает, куда первым делом отправится. Обещание есть обещание. В конце концов, хуже от этого он уже чувствовать себя не будет.

* * *

Гриффин поднимает взгляд на дом перед собой. Вид у того самый обыкновенный, даже скучный. Это угловатое здание с ровными пропорциями, облицованное декоративной штукатуркой под дикий камень, посреди залитой асфальтом автопарковки. Рядом два-три чахлая деревца, из жалких клочков земли пробиваются ранние нарциссы.

Он звонит в дверь и почти сразу слышит громкий треск электрического замка.

Вышедший навстречу мужчина в обвисшем горчичном кардигане приветствует его по имени. Гриффин украдкой читает имя у него на бейдж.

– Ну как она, Майлз?

Тот улыбается.

– Сегодня неплохо, она будет рада вас видеть. Давненько вас не было.

Гриффин кивает, после чего проходит через двойные двери в основную часть дома. Подмечает облупившуюся краску и бледные акварели на стенах, вереницу плотно закрытых дверей. Внутри стоит сильный запах дезинфектантов.

Останавливается в конце коридора. Коротко стучит в дверь, делает глубокий вдох, а потом распахивает ее, не дожидаясь ответа.

– Ма? – зовет он, входя. – Это я. Это Нат.

Здесь всего одна комната, с ванной и туалетом справа. В самом центре ее – больничная койка с поручнями с обеих сторон, украшенная цветастым покрывалом. Коричневый плюшевый медведь пьяно завалился на подушку. Возле окна в большом зеленом кресле сидит пожилая женщина. Колени у нее укутаны одеялом, на столике рядом с ней чашка с чаем. Глаза ее закрыты, голова завалилась набок – похоже, она спит.

Гриффин подходит к ней и присаживается на корточки рядом с креслом. Мягко трогает ее за руку.

– Ма, – повторяет он. – Это я, Нат.

Пошевелившись, она с улыбкой смотрит на него.

– О, как чудесно тебя здесь видеть!

Гриффин целует ее в пергаментную щеку – та пахнет лавандовой пудрой. Придвигает стул, чтобы присесть напротив нее.

– Ну как ты, ма? – спрашивает он.

– Не жалуюсь. – Она присматривается к нему сквозь очки. – Ну у тебя и вид, Натаниэл... Побрейся! И когда ты последний раз был в парикмахерской?

Гриффин машинально проводит рукой по волосам. Улыбается. Кое-что абсолютно не меняется, в конце-то концов. Мамы всегда любят аккуратные прически.

– Помнишь, как я сама стригла тебя, когда ты был маленьким? Однажды я так криво обкорнала тебе челку, что пришлось остричь тебя налысо. Типа как того приятеля Кары, помнишь? Который похож на скинхеда.

– Так у тебя тут и Ной побывал? – спрашивает Гриффин. Чувствует укол вины. Дерьмовый же из него сын, если даже этот поганец Ной Дикин и тот заглядывал проведать его маму!

– Да. Какая жалость, что бедный мальчик так и не завел собственную семью... – Ее голос сходит на нет, и она улыбается, глядя в окно. – Вот и примула скоро в саду зацветет... Весна уже не за горами.

Напряжение Гриффина немного ослабевает, когда мама продолжает болтать о всяких пустяках. Он смотрит на нее, чувствуя печаль. Ее волосы, зачесанные назад и стянутые в тугий узел на затылке, теперь уже совсем седые, под дряблой обвисшей кожей словно одни только кости. На ней очки в толстой пластмассовой оправе, и она то и дело сдвигает их на кончик носа, чтобы выглянуть за окно.

Деменция забрала почти все, что он помнит о матери. Его удивляет, что она еще не забыла, как к ней приходил Ной, – похоже, что-то связанное с ним прочно застряло у нее в голове.

Гриффин обводит взглядом комнату. Здесь все обустроила Кара, вот уже больше пяти лет назад. И она не пожалела времени, чтобы мать чувствовала себя здесь как дома. На стенах репродукции – в основном хорошо известных картин, на полках пристроились несколько разномастных фотографий в рамках. Заметив семейное фото с Карой, Эндрю и их детишками, Нат берет его в руки.

Его племянница и племянник здесь старше, чем он их помнит. Просветы в зубах у Тилли вызывают у него улыбку – похоже, что у нее выпали сразу два передних молочных зуба. Гриффин вспоминает, что так и не послал никому из них поздравлений с днем рождения в этом году. Этому нет никаких оправданий. Да и вообще он еще много кого подвел.

Мать видит фото у него в руке и присматривается.

– У Кары по-прежнему этот жуткий бойфренд? – спрашивает она. – Ну этот, с дурацким именем?

Гриффин предполагает, что она имеет в виду Эндрю. Все зовут его просто Ру.

– А-а, ну да. Он самый.

Мать расцветает улыбкой.

– А как Миа?

Главная трагедия деменции в том, думает Гриффин, это что она творит с человеческой памятью. Кара и Ру поженились намного раньше, чем они с Миа, и все же имя его жены она прекрасно помнит.

– Все у нее нормально, ма.

– В следующий раз приводи ее с собой, – говорит она.

Гриффин замечает, как тяжелеют ее веки. Сидит тихонько еще немного, прислушиваясь к ее хриловатому дыханию. Вспоминает свое детство, как рос вместе с Карой – все эти безмятежные дни, когда самой серьезной заботой на свете было добраться до следующего уровня в «Леммингах» или обогнать сестру в «Марио карт»¹⁸. Кара всегда была смышленей его, но никогда его этим не подкалывала, хотя до ее оценок в школе ему было как до луны. И даже в самом мелком возрасте он всегда был крупней – защищал ее на детской площадке, когда кто-то пытался ее обидеть, недрогнувшей рукой обнимал ее за плечи на похоронах отца в шестнадцатилетнем возрасте... Он первым поступил на работу в полицию, а потом, к его большому удивлению, после университета она последовала его примеру, быстро обогнав его в продвижении по служебной лестнице. Кара оказалась лучшим результатом их воспитания.

Гриффин поднимается, чтобы уходить, но тут краем глаза примечает еще одно фото, почти спрятавшееся за остальными. Оно совсем старое. На нем он с аккуратной стрижкой – короткие темные волосы, костюм. Должно быть, на свадьбе, а может, на крестинах Тилли. И рядом с ним она – улыбаясь до ушей, обхватывает его рукой за талию.

Его жена была настоящей красавицей. Иногда Гриффин удивлялся, уж не создал ли он ее такой в собственной голове, – но нет, фото доказывало обратное. Длинные выющиеся черные волосы, нежный подбородок... Она была слишком хороша для него, и Нат знал это, поэтому ради Миа был готов буквально на все. Она сумела смягчить его, впервые примирила с внешним миром. Миа была его всем.

Гриффин чувствует, что крепко сжал зубы, и вдруг словно что-то застряло в горле. Вернулось знакомое напряжение. Ставит рамку обратно на полку, но перед этим вынимает из нее

¹⁸ «Лемминги» и «Марио карт» – компьютерные игры для телевизионных приставок (головоломка и мультяшный симулятор картинговых гонок).

фотографию и убирает в карман. Медленно наклоняется и мягко целует мать в щеку, поправляет одеяло там, где оно сползло на пол, аккуратно подтыкает. Едва слышно шепчет:

– До свидания, мама!

Глава 17

Кара с отвращением бросает полученную от Гриффина папку на пассажирское сиденье и заводит мотор. У нее и своих проблем хватает, без всех этих бредовых заскоков братца, а его последняя навязчивая идея кажется еще большей фантазмагорией, чем обычно. Копирование серийных убийц?! Господи! Эдак его окончательно уволят, и тогда что? Дело кончится тем, что он останется в этом своем подвале навсегда.

Она уже включает передачу, но вдруг останавливается. Гриффин вроде сказал «мы», так ведь? «Ты поймешь, что мы правы». Кого он мог иметь в виду? Кара хмурится. Нет, не время сейчас об этом думать.

Дикин в отделе уже ожидает ее возвращения. С ходу спрашивает:

– Что он хотел?

Кара понимает, кого он имеет в виду. Проталкивается мимо него и встает перед белой доской. Теперь та сплошь покрыта документами и фотографиями, между которыми наспех написаны некоторые фразы из отчетов о вскрытии. Убиты две девушки. Гриффин прав. Это не просто совпадение.

– Что у нас есть с камер? – спрашивает Кара, пропуская вопрос Дикина мимо ушей.

Тот при виде ее явно дурного настроения лишь закатывает глаза и молча показывает на Тоби Шентона, который просматривает записи на экране своего компьютера.

Шентон бросает взгляд на Кару и краснеет. Она чувствует укол раздражения, но сдерживается. Ей сейчас меньше всего надо, чтобы вера этого старательного парнишки в собственные силы была подорвана старшим по званию – ее подчиненный несколько не виноват, что ее братец – такая заноза в заднице.

– Итак, мы только что закончили отслеживать все перемещения жертв, – начинает Ной. Оба сидят за столом, а Шентон со знанием дела переключается между окнами на экране. – Качество записей самое разное, но вот здесь они прибывают в клуб, – Шентон в этот момент меняет картинку, – а потом в двадцать минут второго уходят.

Ной кивает Шентону, и тот начинает рассказывать сам.

– Они идут вместе по дороге, – говорит он. – А потом стоят на перекрестке, около пяти минут. Пока не появляется вот эта машина.

Кара смотрит, как к девушкам подъезжает голубой «Форд Гэлакси». На кадре автомобиль виден только сзади, и девушки в этот момент скрываются из виду. Общаются с водителем через опущенное стекло, предполагает Кара.

– Других ракурсов нет? – спрашивает она.

– Нет, только этот.

– Свидетели?

– Были чуть раньше – несколько случайных прохожих и других студентов, когда они шли по дороге, но на этом перекрестке практически безлюдно. Больше никто не попал в кадр.

Кара видит, как одна из девушек вновь появляется на экране, открывает заднюю дверь и забирается в машину. «Форд» уезжает, и Шентон поднимает на нее взгляд.

– Вот, собственно, и все.

– Ну а на дорожных камерах? Больше нет записей? – Кара вздыхает. – Весь город увешан камерами, и больше ничего нет?

За Шентона вступает Ной, когда тот перед лицом разочарования Кары начинает бубнить какие-то оправдания.

– Я и сам так сказал, но это и вправду все, что у нас есть. Либо этому типу отчаянно повезло, либо ему хорошо известно, как не попасть в поле зрения камер.

Понятно, на что намекает Ной. Они имеют дело с человеком, который хорошо знает, что делает.

Кара ободряюще кладет руку на плечо Шентона.

– Спасибо, Тоби, – заканчивает она, быстро поднимается и отходит от стола, пытаясь подавить раздражение.

Стоит ей оказаться у себя в кабинете, как в дверях вновь появляется Ной.

– Так что надо было Гриффину? – опять спрашивает он.

Кара хлопает по папке на столе.

– Ничего хорошего, – бросает она. Но тут блямкает ее телефон – Кара подбирает его со стола, а потом с досадой кидает обратно. «Да иди ты, Нат!» – бормочет она. Дикин уже рядом с ней, листает папку.

– Да не заморачивайся, Дикс. Просто его очередная безумная теория.

Но Ной продолжает просматривать содержимое папки, а потом медленно опускается на стул перед ее компьютером. Запускает поиск в системе, и Кара заглядывает ему через плечо, когда он изучает подробности.

– Ты про это ничего не слышала? – спрашивает Дикин. Придвинув кресло, она присаживается рядом с ним, читает с экрана.

Пятеро убитых, в том числе беременная женщина. Ной передает ей папку, и она вытаскивает одну из распечаток, вложенных туда Гриффинем. Это цветная фотография двери – на ней чем-то красным намалевано слово «СВИНЬЯ». Кара опять смотрит на экран, пока Ной переводит взгляд с одной фотографии на другую.

– Да, у меня здесь это самое фото, – подтверждает она, но Ной мотает головой.

– Это не тот снимок, который у тебя сейчас в руке, – тихо произносит он. – На распечатке – фото с сайта, посвященного реальным преступлениям. – Пристально смотрит на нее. – Это из убийств Мэнсона.

Кара переводит взгляд с экрана на фото у себя в руке. Нет никаких сомнений. Они абсолютно идентичны.

– Что сейчас написал тебе Гриффин в эсэмэске? – спрашивает он.

Кара наклоняется к компьютеру, подвинув Дикина в сторону. Забивает в поисковую строку «Гугла» несколько слов, и на экране появляется результат. Две студентки, восемнадцать лет. Похищены, когда голосовали на шоссе. Закованы в наручники, задушены, зарезаны. Головы отсечены. Брошены в багажник «Форда Гэлакси». С разбитым задним фонарем.

Кара едва может дышать. Резко отводит взгляд от экрана и смотрит на Дикина. Лицо у того совершенно белое.

– Так что написал Гриффин? – спрашивает он еще раз.

Кара смотрит на свой телефон, потом опять на экран.

– Кемпер¹⁹, – коротко отвечает она.

Глава 18

Кара видит в глазах своего начальника весь спектр эмоций. Они с Ноем без лишних слов подхватили папку и отнесли ее в кабинет старшего детектива-суперинтенданта Марша. По-прежнему молча, едва даже осмеливаясь посмотреть друг на друга. Поскольку сделанное

¹⁹ Эдмунд Кемпер (р. 1948) – американский серийный убийца, известный как «Убийца студенток». В подростковом возрасте убил своих дедушку и бабушку. В период с 1972 по 1973 г. совершил 8 убийств в штате Калифорния: шести студенток, собственной матери и ее подруги. Что же касается машины, то имеется в виду не европейский минивэн Ford Galaxу, выпускающийся с 1995 г., а американский двухдверный седан Ford Galaxie 1969 модельного года (названия звучат одинаково).

открытие казалось полным безумием, хотя оба не могли отрицать того, с чем только что ознакомились.

Войдя в кабинет, они усаживаются перед Маршем. Начинают со своего собственного дела, одно за другим перечисляя схожие черты. Поначалу тот вроде как посмеивается над ними, но потом на лице у него появляется растерянное выражение.

– Вы хотите мне сказать, будто кто-то заморочился с тем, чтобы реконструировать двойное убийство, совершенное почти пятьдесят лет назад, черт знает где за океаном?

Кара узнает этот скепсис. Она уже слышала его в своем собственном голосе.

– Мы понимаем, что это выглядит дико, шеф. Но все совпадает до мельчайших подробностей. Начиная с марки автомобиля и заканчивая тем, как именно их убили.

Марш хмурится, берет со стола папку, а потом опять кладет ее обратно.

– И что в итоге? Мы ищем какого-то тайного поклонника серийного убийцы из Калифорнии?

Ной смотрит на Кару, и их начальник замечает этот взгляд.

– Что такое? – спрашивает он.

– Мы думаем, что это не все.

Дикин вытаскивает другую папку – ту, которую Гриффин передал Каре. Раскладывает бумаги на столе.

– Это все убийства, совершенные за последние несколько лет. Проститутток, которых убили так же, как убивал Сатклифф – это который Йоркширский потрошитель... Женщин, изнасилованных и задушенных в манере Хиллсайдского душителя...

Старший детектив-суперинтендант смотрит на них, раскрыв рот.

– И вот еще это, вчерашнее. Пятеро убитых. Очень похоже на то, что сотворили последователи Мэнсона по его наущению.

– Мэнсона? – повторяет Марш. – Чарльза Мэнсона?

Смотрит на Кару, и та кивает. Он пробегает пальцем по другим фотографиям.

– А с этими что? – Перебирает их на столе, и одна оказывается на виду. – Это ведь?.. – спрашивает он, поглядывая на Кару, и она кивает. – Какая тут связь?

– Пока не знаем.

Старший детектив-суперинтендант откидывается в кресле и проводит обеими руками по волосам.

– Черт, – бормочет он. – Как вышло, что мы только сейчас это заметили?

Но Кара и Ной хранят молчание. Крыть им нечем. Оба чувствуют, что опростоволосились. И Кара знает, что сейчас чувствует их начальник. Откровенное недоверие сменилось шокирующим осознанием того, что на руках у них серийный убийца. Причем особо опасный.

Марш барабанит пальцами по столу быстрыми нервными движениями. Опять начинает перебирать фотографии.

– Как вы к этому пришли? – спрашивает он наконец. – Что вынудило вас посмотреть и на другие дела?

Ной опять невольно смотрит на Кару.

– Гриффин, – уверенно произносит Марш, нахмурившись. Разъяренно кричит. – Все как всегда! Требуется обосравшийся коп, чтобы найти просранную связь!

Быстро поднимает взгляд, осознав, что только что позволил себе оскорбительный выпад в адрес брата Кары, а потом без всяких извинений продолжает:

– Я слышал, что он тут что-то вынюхивает, путается под ногами у моих детективов... – Примолкает. – Кого это он там допрашивал в больнице?

– Думаю, что речь идет о поджоге, – отвечает Кара. – О предположительном убийстве некоего Патрика Амброуза в ночь на вторник.

– Поджог? Непохоже, что тут тоже может быть какая-то связь. – Марш решительно наклоняется в кресле. – Короче, вот как мы поступим. Перед тем как будем говорить обо всем этом в других местах, мне нужна стопроцентная уверенность. Просмотрите все, что у вас есть. Привлеките группу, но, ради бога, только без шума. Нам еще только всеобщей паники не хватало. Я предупрежу главного констебля. – Он смотрит на Кару: – А что насчет Гриффина? Насколько он не в себе?

Кара знает, на какое происшествие ссылается начальник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.